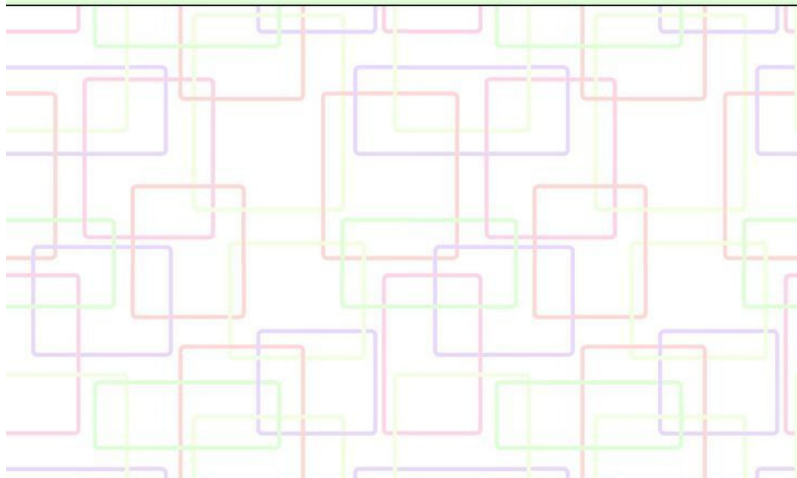

18+ Владимир Митюк

Грубые хроники

Роман из цикла «Пространство холода»

Владимир Митюк
Грубые хроники.
Роман из цикла
«Пространство холода»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55330711
ISBN 9785449878915

Аннотация

Цепь не связанных между собой событий приводит к неожиданным последствиям. Здесь и мистика, и любовь. И появление странных персонажей. Они что-то замышляют, или всё происходит в воспалённом мозгу героя? В жизни он – обычный человек, со своими чувствами и желаниями. Но часто погружается в иную реальность, которая внезапно становится явью, и он вынужден действовать предельно жёстко. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

НЕ НАДО МНЕ МЕШАТЬ!	5
МНЕ НЕ ПОМЕШАЮТ!	58
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Грубые хроники
Роман из цикла
«Пространство холода»

Владимир Митюк

© Владимир Митюк, 2020

ISBN 978-5-4498-7891-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ НАДО МНЕ МЕШАТЬ!

Снег выпал настолько внезапно, что не только коммунальные службы, но и я оказался не готовым к зиме. И это не шутка.

Вчера было ещё плюс шестнадцать, телевизор же вещал устами Гидрометцентра, что похолодание будет, но ненадолго, идёт какой-то циклон, несёт осадки в виде дождя и мокрого снега. Я же доверился своим ощущениям, и, признаюсь, ошибся. Нет, зонтик я не выложил, он, как прописался в сумке в начале осени, так и не вылезал оттуда, приговорён. А сумка – знаете, такая чёрная, с ремешком и через плечо. Удобная. Только вот ляжка периодически съезжала, приходилось поправлять и подтягивать.

Смурной и ненавязчивый перманентный дождь вышел вместе со мной на работу. До метро недалеко, и поэтому я редко пользовался машиной, лишь приподнял воротник, нахлобучил кепку под названием «бейсболка», и убыстрил шаг.

Мелкие капельки скатывались с моей куртки, и посему зонтик остался в неведении происходящего.

На работу я приходил рано, открывал небольшой кабинет, метров шесть на девять, включая некое подобие прихожей со шкафчиком для одежды, вешал куртку, чуть приподнявшись – перекладина сделана не иначе, как для Сабониса, моих метра восьмидесяти пяти едва хватало, да я уже привык.

А вторая перекладина была оккупирована моими сотрудницами и прибившимся к нам выпускником некоего университета. Коллеги занимали соседнюю комнату, в которую вела ещё одна, правая дверь. Вы поняли, вход один, из предбанника вели ещё две двери. Очень удобно. В предбаннике прижились и холодильник, и микроволновая печь.

Я снимал свитер, клал на свою персональную полку, и надевал галстук и пиджак. Рубашка у меня была постоянно свежая, а как же иначе. Дресс-код в нашей конторе пока что не был введён, но мне полагалась носить пиджак. Правда, не знаю, зачем, ибо большую часть рабочего времени я проводил за своим столом, серьёзный и сосредоточенный, большей частью общаясь с коллегами посредством компьютера, но иногда они приходили, отвлекая меня от дел.

Первым делом я включал электрический чайник, на отдельной тумбочке, с обязательно подложенной кафельной плиткой, по требованиям пожарной безопасности. Усаживался за стол, брал очередную папку, взвешивал на руке и открывал. За это время чайник успевал закипеть, я наливал себе полчашечки кофе, начинал перелистывать страницу за страницей, со вчерашнего места, делая необходимые пометки остро заточенным карандашом. Я делал это исключительно тщательно, ибо работа давала не только средства к существованию и обеспечивала некоторую стабильность, к которой я привык за долгие годы.

Сотрудницы, как правило, опаздывали. Что с них возъ-

мёшь? Однако делал внушения и наставлял, так положено. Они как бы внимательно слушали и воспринимали, но все продолжалось. А в воздух висел немой вопрос – а что вы хотите за такую зарплату. Пардон, милые, но вы же под этим подписывались. И даже за семьсот-восемьсот зелёных, в пересчёте, вполне можно и потрудиться. Впрочем, особых претензий у меня к ним не было, как и у более высокого начальства ко мне. Жизнь текла своим чередом.

Часам к девяти все занимали места в соседней комнате, подходил народ, с новыми папками, делами и служебными записками.

Некоторые предварительно звонили, я терпеливо выслушивал, назначал время, когда прийти, записывал на страничку ежедневника и заносил в компьютер. Когда страничка заполнялась, я переходил на следующую. Сверялся с необходимыми документами по компьютеру, дабы не отстать от жизни и все держать под контролем. Это только кажется, что всё просто. Я считаю, что каждая бумага должна вылежаться, даже если по содержанию и оформлению очевидных замечаний нет. Но для чего я сижу? То-то и оно.

Часть работы я переправлял за стенку, неизбежной, но скучной. Делопроизводство и системный анализ требуют тщательного подхода. А выждать необходимо всегда, процентов так тридцать дел возвращались к авторам. И дальше где-то погибали, я не интересовался, где, но статистику вёл.

Я немного отвлёкся, и как тут сосредоточишься, когда

дождь всё усиливался, для этого вовсе не нужно было выглядывать в окно – по жестяному подоконнику барабанила настоящая дробь. Но работа – прежде всего, через некоторое время я даже привык к дождю, и почти не замечал. Однако каждый входящий считал своим долгом непременно поговорить о превратностях погоды, о том, куда податься в выходные, можно ли проехать на дачу. Меня это с толку не сбивало, я привычно делал замечания, и даже хвалил, когда они устранялись оперативно. А как же иначе.

Так было и в этот день. К половине двенадцатого поток посетителей несколько иссяк, я снова заварил кофе, вышел в курилку, пообщался с коллегами и снова за работу.

Прошел час, другой. Я почувствовал, что-то изменилось. Прекратилось назойливое «пам-пам-пам», я раздвинул шторы и выглянул в окно – крупный и сильный дождь превратился в медленно падающие, парящие снежные хлопья. Они и не собирались таять, даже приземлившись на подоконник. Или не успевали. И так интенсивно, что вскоре и весь дворик, и крыши одноэтажных строений покрылись толстым слоем. Ужас! Я вообще-то отношусь к любым погодным явлениям лояльно, если все вовремя. Сейчас же – зачем мне снег в середине октября? Это вызывало раздражение и выбивало из привычной колеи.

Но не всё так безнадежно. А где же? Я стал лихорадочно соображать, занявшая мой мозг мысль вытеснила все остальные. По дороге? Но там закрыто, я точно знаю, захо-

дил на прошлой неделе, стены выломаны, ставят новые окна, хотя вывеска осталась прежняя. Можно бы, конечно, сначала домой, но ведь будут пробки, это часа два в один конец, а перенести на следующий день будет неправильно правил. Только дай себе послабление, так неизбежно расслабишься. Придётся сделать небольшой крюк, на одиннадцатом маршруте. Точно, туда я и загляну, место незавидное, вряд ли его перепрофилировали, как это теперь называют. Настроение немного улучшилось, рабочий день подходил к концу, и больших хвостов на завтра не было. Так, по мелочи.

Без пяти я сложил все папки, незаконченные дела, стопка совсем небольшая – справа, готовые, с замечаниями и без – слева. Так проще ориентироваться, и люди знают, что так проще найти документы. Сядут на стул и просматривают замечания. Ежели папочки нет, придётся подождать, и меня зря тревожить не будут. Хотя будут, конечно, всем, как правило, нужно всё и сразу. Но так не бывает, несогласные есть? Нет, и правильно. Будут ходить неделю, две. Всё должно быть по правилам, установленным мной. И мои сотрудницы его тоже свято придерживаются.

Распрощавшись со встреченными в коридоре и на лестнице коллегами – народ резво устремился домой, кляня непогоду. Я ни чем не отличался от них, разве что у меня было свои собственные планы.

Дабы без излишней необходимости не возвращаться к производственной стороне моей жизни, разве что в край-

ней необходимости, ещё раз подчеркну, что работа давала мне не только хлеб насущный, но и возможность поддерживать существование, весьма сносное.

Улица встретила меня неприветливо, парящие снежинки превратились в острую крупу, норовя проникнуть за шиворот, отполировать физиономию по полной схеме. Мостовая уже была покрыта толстым слоем снега, раздавленного пешеходами и кое-где подтаявшего. Только на проезжей части машины оставляли колею. Улицы убирать никто и не собирался – дворники ждали указаний от начальства, а те не торопились – авось, завтра само растает. И немудрено – середина октября, деревья почти зелёные, разве что клёны да осинки покраснели. И на земле опавших листьев предостаточно, если вмёрзнут не отскребёшь, кто понимает. Посему надо поспешить. Легко сказать! Переходя улицу, я едва увернулся от не успевшей затормозить красный иномарки, но даже не возмутился – скользкая дорога предполагала возникновение опасных ситуаций. К тому же у меня была своя цель. Хорошо, что я сподобился надеть ботинки на толстой подошве, ноги сухие, ведь большую часть пути придётся пройти пешком, очередная пробка растянулась на несколько километров, скоро стемнеет и вообще будет труба. А у меня фонарик, со светодиодами, всегда выручает, и, к тому же, весьма экономно расходует батарейки, что немаловажно.

Увлёкшись мыслями, я чуть было не проскочил мимо рынка. Хотя по дороге обогнал вереницу замерших в проб-

ке машин. И что бы я делал, скажите на милость? Я свернул в знакомый переулок. Но стоит ли называть? Любое неосторожное слово может стать наводкой, а мне это надо? Совершенно нет. Я достал заранее приготовленный полтинник, протянул продавцу – без сдачи, естественно, и получил взамен чёрный непрозрачный пакет. Мы только кивнули друг другу, не перемолвившись ни словечком. И положил в другой, открыл сумку, на дне которой уже лежали газеты, отправил по адресу и прикрыл снова. Я не спешил со своими манипуляциями, выходить на безрадостную улицу не хотелось, а надо. В принципе, можно подъехать на трамвае, время поджимало, но я ещё не все успел. Я сделал небольшой крюк, слабо надеясь на успех. Старый, ещё с советских времен, три ступеньки вверх, магазинчик, работал, как ни в чём не бывало, будто не прошла целая эпоха. Даже облупившаяся вывеска оказалась на месте. Сколько лет я там не был? Впрочем, это не имеет отношения к делу. Ленивая тётка неопределенного возраста в зелёном халате привычно скучала за прилавком – надо бы закрыться, какие покупатели в такое ненастье, да вот время не вышло. «Да, там смотрите», – мол, знаю ваших, глаз да глаз нужен. Под пристальным взглядом хозяйки – не дай бог, сопрёт чего, я прошел в закуток с инвентарём. Подавив желание долбануть тетку искомым, я выбрал желаемый предмет, даже два, и с некоторым злорадством, попросил выписать товарный чек, тщательно прочитал – хотя зачем, аккуратно сложил в бумажник и с достоинством

отбыл.

Погода за эти десять минут ничуть не улучшилась, приобретенное – об упаковке было нечего и мечтать, не только не защищало, а, наоборот, мешало. Парусность моя увеличилась, и стало ещё сложнее поддерживать равновесие на окончательно обледеневшем тротуаре. На прилипающий снег я уже перестал обращать внимание, смирившись с неизбежным. Но вот и трамвай.

Повезло, не пришлось ждать, и ехать-то всего ничего – пять остановок, если выйти чуть раньше, или шесть – тогда придётся, наоборот, возвращаться. Удобней было бы, конечно, выйти на шестой остановке – там чуть короче, можно срезать часть пути, зато идти придётся по закоулкам, тропинкам, а их никто сегодня не расчищал, тоже вряд ли ждут посетителей, да если бы и ждали – кому охота.

Я вышел на пятой остановке. Пересёк трамвайные пути и двинулся в обход с несколькими поворотами. Похоже, здесь убирать не будут до второго пришествия, или пока само не растает. Ну вот, все я опять о погоде!

Я шел по нехоженому тротуару – домов в окрестности немного, вечером и прохожего не встретишь, ветер дул в спину, подгоняя, осталось только поднять воротник, но я его и не опускал. Вот и ворота. Одинокий огонёк – уже начало темнеть, сумрак усугублялся полностью затянутым небом. Но я уверенно шёл по главной аллее, ведь дорогу я знал практически на ощупь. Несколько лет назад террито-

рию начала приводить в порядок, колдобины засыпали, вырубали разросшиеся кусты, стало почти как в Европе. Правда, кое-где ещё оставались провалы и появлялись новые – начали прокладывать и менять коммуникации. Цивилизация дошла и сюда. Деревья должны были заслонять от порывов ветра, однако он исхитрился развернуться, и упрямо старался попасть мокрым снегом прямо в физиономию.

Я лишь кивал старым знакомым, не останавливаясь, чтобы поговорить, или хотя бы переброситься парочкой фраз. И всё равно приходилось быть начеку – благоустройство ещё не закончено, вот и ещё одна яма – новая, наверное, уплотнять будут. Хорошо, что я, как всегда, внимателен. А ничего неожиданного нет – весь город стоит на болоте, а здесь ещё и речка, и никто не поручится за то, что у той нет подземного рукава. Либо же несколько метров торфа. Хотя нет – даже в жару пожаров не бывало, следовательно.

Мысли отвлекли от борьбы со снегом, но на повороте появилась новая ямка, без ограждения. Конечно, всё побросали – световой рабочий день закончился, а рассчитывать на то, что кому-то взбредет в голову забраться сюда почти ночью. Меня в расчет не принимали, хотя могли следить. Но я уверенно следовал своей дорогой, оставляя одинокие следы на свежевыпавшем снегу. Непроизвольно чертыхнулся, поскользнувшись на последнем повороте. Для красного словца я добавил бы ещё одну фразу, но вдруг чей-то взгляд упадет на коряво исписанные листки, и будет неудоб-

но, пусть и заочно. Не совсем точно и по отношению к той действительности. Ну, которая была на самом деле. А какие мысли могут быть у человека, прорвавшегося через снежный удар, и добравшегося до цели.

– Подожди, видишь, я только пришел, сначала дело, а потом поговорим, лады? Не думаю, чтобы мой собеседник понял меня дословно, однако интонация ему была знакома, встречались мы едва ли не ежедневно, посему он послушно уселся воле скамейки, всем своим видом показывая – мол, понимаю, можно и потерпеть, не впервой. И вряд ли был настоль голоден. Я же – опять только о себе, но мне никто не запрещает этого делать, поставил сумку на столик, повыше и дальше от соблазна, взял орудие труда и принялся за работу.

Впрочем, здесь пора прерваться. Для пролога он слишком великоват. Собственно, почти середина. Но кто может ограничить, кроме меня же самого? Никто, правильно. А почему я начал именно с этого места? Ведь день, несмотря на незапно обрушившуюся непогоду, ничем особым не выделялся, даже не нарушил мои планы, а скорректировал. Я повторяюсь? Что из того? А кто не возвращается часто к, казалось бы, рядовым событиям, а позже сам удивляется – с чего бы это?

Вот и я, может, снова вернусь в ненастный октябрьский

день. Если наступит такой момент. А тогда я продрог и нарушил правило, пусть всего лишь раз. Работа не согрела, а садиться на промерзшую скамейку или бросить на середине – не для меня.

Безнадёжное дело убежать от навязчивой идеи. Ты – от неё, а она преследует. Через какое-то время вроде забываешь, но она вдруг материализуется с новой силой. Детские страхи, сны, услышанные ненароком слова, случайно подсмотренные – упаси боже, именно случайно, – эпизоды, и ты уже не ощущаешь себя независимым от них. Возможно, все сотрётся в памяти, за наслоением событий, если материализуется?

Когда все началось, не припомню. Но точно, уже после переезда в новый район, когда я был молод и счастлив. На жену и дочку не мог нарадоваться. Нельзя прошлое охаивать, оно было моим, и не только. Что ж, если все изменилось – так, значит, повернулось колесо, и нечего роптать. В те годы, как и сейчас, я не верил ни во что – ни в бога, ни в чёрта, ни в судьбу. Однако – у кого повернется меня обвинить – как и большинство сограждан был ужасно суеверен, хоть и посмеивался над собой. Молодость, чего с неё возьмешь. Однако почему-то старался не переходить перекресток Проспекта и Улицы по одной, той самой стороне... И не переходил. Почему – объяснить не мог, и ни тогда, и ни сейчас. То есть,

если даже загорался зелёный, я поворачивал налево, ждал, когда будет разрешен переход через улицу, а потом – ещё раз. И это я, вечно спешащий – в то время – ждал покорно!

Я проснулся, пытаюсь сбросить ночной кошмар. Жена наклонилась надо мной – что с тобой, милый, ты так кричал. Приснилось что? Я же мог только потряси головой – наверное, спал в неудобной позе. Нет, ты недоговариваешь, что случилось? У тебя неприятности или я виновата? Нет, ничего такого. Я обнял жену и мирно заснул, в следующий раз разбуженный лишь надоедливой трелью будильника.

Вскоре ночной кошмар сам собой забылся. Так мне показалось сначала. Да не тут-то было. Какие-то обрывки сна, именно обрывки, всплывали из недр подсознания, но не накладывались на предыдущие события и воспоминания.

Через какое-то время сон повторился, я уже после это не пытался уснуть, а потихоньку вышел на кухню, заварил чай из пачки со слонами – индийский, полученный в наборе. Что, не знаете? Так вот, было время, когда все, буквально все носимое или съедобное, распределялось странным образом. В конторе на доске объявлений вывешивались так называемые заказы – комплектовались наборы продуктов – дефицитный индийский чай в пачках – кто пробовал грузинское сено, тот поймет, если повезёт – икра, не кабачковая, кофе, сгущёнка, тушёнка. И к нему – сахар, макароны, кильки в томате, в качестве нагрузки. Не понимаю, чем провинились кильки, как и переименованная улица Гоголя! Не так

давно мне довелось вновь почувствовать тот самый забытый вкус и, знаете, совсем прилично. Кто-то из активистов записывал желающих, потом тянули жребий, если всем не доставалось, и... Но я опять отвлекаюсь, хотя дал себе зарок не засорять повествование излишними и никому не нужными подробностями.

Я попытался восстановить хоть обрывки сна, но опять не складывалась цельная картина. Однако место, как раз на пересечении Улицы и Проспекта – вот оно, да. Возвращаясь с работы, я вышел двумя остановками раньше. Вереница троллейбусов, автобусов, как ни в чем не бывало, пересекала проспект, люди расходились направо и налево – по обеим сторонам улицы на Проспекте находился универмаг, вернее, его разные отделы – обувь, одежда, игрушки, бытовая техника.

Рабочие привычно вскрывали асфальт, прямо у автобусной остановки, трудящиеся, иждивенцы и люди бомж безропотно обходили вырытую и огороженную флажками яму, на углах продавали мороженое и сигареты. Черт, что же меня сюда принесло? Выкурил сигарету – в то время дефицитный «Мальборо», походил, осмотрелся. Потом купил стаканчик крем-брюле, нет, ничего необычного, и решил пойти домой, дабы в одиночестве посмеяться над своими страхами. Я решил обойти вырытую яму, но что-то меня остановило, и я перешёл на другую сторону. В принципе, так мне было удобнее, но до того я шел именно по правой стороне, вот в чем

дело! Это уже потом я стал анализировать. А место – да, было именно то. С одной стороны, ничего необычного – я ежедневно проезжал здесь – утром и вечером, иногда и по выходным мы гуляли с женой и дочкой – так почему бы и нет? Но – ощущение кошмара, стон – жена утром сказала – ты опять стонал во сне. Я отшутился, но стало как-то не по себе.

Сон повторился примерно через год. Теперь я уже был не простым наблюдателем, а действующим лицом. Я сидел за рулем катка и старательно закатывал асфальт. И что? Разве есть в этом что-то ужасное, спросите вы? И я так думаю. Но почему мне становилось страшно, и я просыпался в холодном поту, уже пытаюсь досмотреть сон до конца. Я уже не вздрагивал, чтобы не разбудить жену, и сознательно укладывал впечатления на отдельную полку в своем сознании.

Я стал размышлять, что бы это могло значить, ибо мой образ жизни не предполагал ничего подобного, но, увы. С вашего позволения, я опускаю годы и месяцы, останавливаясь только на этом. Действие обычно проходило под покровом ночи. И каждый раз всё дальше и дальше, причем не с прерванного места, а как бы сначала, и если последующее сновидение чем-то отличалось от предыдущего, то разве незначительными деталями. Я помнил и чувствовал как наяву, и не было никакой необходимости что-то записывать. Во сне я действовал не один, однако лиц запомнить не мог, как ни

старался.

Сегодня – суббота, миссию я свою выполнил, и имею полное право пропустить стаканчик, тем более что мне никто не указ. И не натошак, а после хорошей закуски – недавно в нашем микрорайоне – я ещё не говорил, что переехал? Да, открыли новый супермаркет, и мне хватало одного, в крайнем случае, двух раз, чтобы затовариться на неделю. И впрямь – много ли одному надо? На случай недомогания у меня был забит холодильник, как в жуткие времена, НЗ я периодически обновлял. Пусть и оставляя в магазине много денег, в последнее время у меня даже появился солидный финансовый запас, я мог тешить себя иллюзиями, что сэконобил некий виртуальный процент от среднегородских цен, сколько-то рублей и копеек. Бутерброды и огурчик – на столе, я наеживаю из «Путинки» стограммовую стопку, это не помешает и не повредит, и выпиваю залпом. Закусываю стрелкой лука, огурчиком – я предпочитаю корнишоны, съедаю бутерброд с отварным мясом. Закуриваю – меня некому, повторяю, контролировать. Не иду на лоджию – ветер в мою сторону, остеклить как-то руки не доходят, а остаюсь на кухне. Нет, надо ещё пятьдесят. Все, хорошо. Это – норма, я её не перешагиваю. Так надо.

Тишина. Давно прошёл последний троллейбус, а за ним и развозка. Пора спешить – ночь становится всё короче,

а нам непременно надо успеть. Трактор вскрывает асфальт, исчезает. Несколько взмахов лопатой, и мы – а я действовал не один, опускаем я яму нечто, завернутое в ковер. Ковёр или мешок? Нет, скорее палас, а мешок сверху. Но он маловат, не завязать... Ноша уместается в подготовленное место, все под контролем, мы слегка присыпаем его, действуя слаженно и безмолвно. Из-за поворота появляется самосвал, почти игрушечный, увеличивающийся в размерах по мере приближения. Кузов понимается, и горячий асфальт скрывает содеянное нами. Самосвал куда-то исчезает, растворяясь в воздухе, и на его месте появляется каток. Я ощущаю себя за рулем, как бы со стороны, ибо на месте водителя никого нет. Или все-таки Я? Через несколько минут остается только ровный асфальт, мои соучастники растворяются в ночи.

Возвращаясь с работы, специально выхожу на перекрёстке, стараясь слиться с толпой и быть незаметным. Свежая заплатка. Но народ равнодушно, или как, проходит мимо, наступают. День – другой, или неделя – будто так и было. Но я это знаю. А они? Надо определить, кто. Но на этот раз сон обрывается на самом – как мне казалось – интересном. Но почему меня никто не ищет? Нет объявлений, ничего. А, может, я просто нахожусь в иной, виртуальной, реальности?

Я также продолжаю ходить на службу в свою контору. Теперь я живу один, удалось разменять квартиру, что-то допла-

тить, мне непременно нужно было остаться в том же районе. Жена – бывшая – согласилась, уехала на Гражданку, я даже адреса не знаю, с тех пор не общались, а я – в квартал по соседству, только на другую сторону улицы, даже чуть ближе к Проспекту. Стоило переехать ближе, как сны стали учащаться, и стали как-то острее. То есть, усилилось влияние Перекрёстка. Как это я раньше не догадался!

Уж извините, можно подумать, что меня занимал только феномен перекрестка, но это далеко не так. Не хочу засорять повествование не относящимися к делу излишними деталями и подробностями. Ах, я это уже говорил? Так покорнейше прошу прощения ещё раз, склероз, видно, наступает. Рановато. Только я хочу связать события, выстроить логическую цепочку, и не притягивать случайные совпадения за уши.

Нет, меня всё же ищут. Но пока никаких объявлений. Я чувствую спинным мозгом, запрещаю себе оборачиваться. По мне, так скрываться невозможно, или бесполезно. А что, если продолжение материализуются не по моей воле? Я снова вскрываю асфальт, зная заранее, что мы будем закатывать труп. Безымянный, но точно за дело. Иначе, почему с такой настойчивостью сюжет повторяется вновь и вновь.

– Гражданин, это вы закатали в асфальт? – Кто, что? – Я искренне, как мне кажется во сне, удивляюсь, – кого, где? – На перекрёстке, знаете, там, где универмаг. Нечётная сторона. – Какой асфальт, какой перекрёсток, и вообще, вы из сна, так что... – Разве это сон? Тогда извините, – человек

в штатском берет под козырёк, я просыпаюсь в холодном поту. Нельзя идти под холодный душ. Прихватывает сердце. Я наливаю полстакана тёплой воды – чайник не успел остыть и меня отпускает. Нет, пора таскать с собой валидол, и еще, этот, как называется? Не то ненароком загнешься на ровном месте. Да, это было во сне, неужели не понятно. А мы и есть из сна. Но можем явиться и... Кыш!

Мы снова вскрываем асфальт. Я по-прежнему не различаю лиц участников. Завернутый в холстину труп – теперь я убедился, что это не пустой ковёр, ещё не остыл. Возможно, в нем ещё теплится жизнь, опускается в яму. Асфальт скрывает следу нашей деятельности. Кого, за что? Это остается неизвестным. Однако я уже пытаюсь приготовить себе алиби – знаю, что вскоре за мной придут, и вряд ли мне будет позволено обратиться к адвокату. Так и происходит. Ты убил! И попытался скрыть следы своего преступления. Мои увещания не находят понимания, ссылки на сон безнадежно отвергаются. Но я-то знаю, что все происходит не наяву! Я – в тёмной камере, ни окон, ни малейшего просвета. Однако через некоторое время начинаю различать, что она не так и пуста, как казалось первоначально. Из угла на меня смотрят два маленьких красных глаза, раздаются характерные шорохи и посвистывания. Тебя-то за что? Мне на руку падает одинокий таракан, я почти физически ощущаю движение маленьких холодных ножек. Сон таки прерывается. Я не выдерживаю, буквально бегу на перекрёсток. И точно – свежий

асфальт, как раз на том месте. Так неужели? Значит, мне удалось вырваться? Сон и явь перемешиваются. Нет, на самом деле, происходит нечто невероятное! Тут до меня доходит. Какая ерунда! Нет ничего необычного в том, что периодически вскрывается асфальт. Для ремонта труб, прокладки коммуникаций, и что из этого следует? Просто я осознаю сей факт, и он каким-то образом действует на меня, вызывая раз проявившееся сновидение вновь, я сам невольно настраиваюсь на это. Но ведь забываю через некоторое время. Подумаешь, кто-то во сне периодически падает с самолета, кто-то баррикадируется в своей квартире и отстреливается от неизвестных налетчиков, кто-то высаживается на чужую планету или вступает в контакт с иными цивилизациями. Но ведь из этого ничего не следует, абсолютно ничего! Я успокаиваюсь, и, кажется, почти навсегда. Одни совпадения могут вызвать воспоминания, следующие совпадения. Может, если я поменяю район, все изменится? Но тогда мне придётся отказаться от многих привычек. Нет уж, пусть будет так, как есть.

Примерно с год ничего не происходит, ничегошеньки. Ещё раз меняют асфальт, теперь уже на проезжей части. Я ложусь спать с надеждой и опасением увидеть продолжение сна. Но сон мой невинен, как только может быть сон человека, достигшего моего возраста. Я даже немного огорчен. Наверное, продолжения не будет, если я в прошлый раз вы-

брался из темницы, цел и невредим, а преступление, если оно и было, уже списано за истечением срока давности. Шучу.

Я продолжаю работать, не стремясь карабкаться по служебной лестнице, спокоен, уравновешен, и жизнь моя упорядочена донельзя. Всегда аккуратен, приветлив и ровен со всеми.

Последний же сон – надеюсь, что больше он не повторится, удалось досмотреть до конца. Я почти физически ощущал происходящее, и мне не верилось, что ночной кошмар может закончиться. Привычный сюжет развивался несколько иначе. На сей раз, он начался не с привычного места – перекресток, яма, труп, закатанный в рулон, асфальт, каток. Сначала мы были в совершенно незнакомом месте, ничего не ясно, только темнота вокруг, прорезываемая неведомыми сполохами. Я понял, что идёт какая-то разборка. Между кем и кем, не ясно, и какова здесь моя роль.

«На, держи». Мне протянули рулон, в котором я признал виденный мною ранее. Раздались выстрелы, все бросились в разные стороны. И я тоже, будучи уверенный, что именно там должен быть выход. Я попал в полутёмный тоннель, не задумываясь, что он может закончиться тупиком. И правда, через несколько минут отчаянного бега, не имея возможности обернуться, чтобы посмотреть, не преследует ли кто

меня, задыхаясь с тяжёлой ношей, я уткнулся в стену. В первый момент я не мог даже понять, что это конец. А шаги все приближались. Вдруг появился лучик света, совсем рядом приоткрылась потайная дверь, кто-то вытянул меня наружу. – «Что задержался? И, не ожидая ответа, – давай скорее, опаздываем».

У меня перехватили ношу, я же успел обернуться – но созда ни чего не было, ничего, кроме пустоты. Мы сели в машину и некоторое время колесили по городу, имея подобный опыт, я бы сказал, что элементарно убегали от погони. Лиц своих попутчиков я снова не видел – были ли они в масках, либо просто размыты темнотой – мне неизвестно и до сих пор. Или по сих пор? Как правильнее? Яма уже была вырыта, из багажника – я так понял – достали сверток, и я с трудом, будто только что не совершал забег, дотащил его и бросил в яму. Самосвал и каток уже были наготове, а я... я отправился домой – ибо сопровождающие как бы растворились в тумане.

Но через несколько минут раздался настойчивый звонок. Дверь распахнулась – я не помню, чтобы открывал её. Вы опять будет отпираться? Я – то ли в темнице, то ли в камере пыток. Кого же на этот раз вы закатали под асфальт? И почему все время выбираете одно и то же место? Я требую адвоката! Моя вопиющая юридическая неграмотность сказалась и здесь. И звонить мне некому.

– Вы приговариваетесь к смертной казни...

Я пытался протестовать, но мой голос был неслышен, будто я только разевал рот, как рыба. И вот меня ведут по длинному коридору, я чувствую, что внезапно последует выстрел в затылок, и все будет кончено. Меня закопают в безымянную могилу или закатают под асфальт, чтобы и следов не осталось.

Я просыпаюсь от страшного грохота, мне по-настоящему страшно. Выглядываю в окно. Никого. Наверно, колесо у кого-то лопнуло – догадываюсь я. Смотрю на часы – половина шестого, половина шестого, суббота. Наливаю себе сто граммов холодной водки, но меня продолжает колотить. Нет, так дальше продолжаться не может. Наспех закусываю и буквально выбегаю на улицу. Сейчас, скорее, к перекрёстку.

Уже светает, на углу – движение. То самое место окружено рабочими в оранжевых жилетках. Мне слышатся голоса – из ямы. – Что, где труп? – спрашиваю. Ближайший ко мне рабочий нехотя сплевывает жеваную папиросу. – Какой труп, блин. Отойди, не видишь, трубу прорвало. Смотри, долбанёшься, вот и будет труп. Выражение лица работяги не оставляло никаких сомнений в том, что так и будет. Отхожу подальше, в сторону, сажусь на поребрик, и тоже закурываю. Вот как выходит. Неужели у меня какая-то магнетическая связь, но с кем, с чем?

На этом как отрезало. Я тщетно пытался вызвать в себе яркое и страшное сновидение, но все попытки договориться с потусторонними силами не имели успеха. Я решил, что

это — знак, и я перешёл на другой уровень.

Ну, что, видишь, все в порядке. Я присел-таки на скамейку, отвернул пробку — и глотнул, чуть не поперхнувшись. О себе — в последнюю очередь, ведь меня ждали. Отставив с некоторым сожалением бутылку в сторону — нужно, прежде всего, думать о братьях меньших. Лопатка — ведь именно её я купил по дороге, вы догадались? — уже стояла, прислоненная к скамейке, дорожка расчищена. Собственно, и снегу напало всего ничего, я только немного помахал лопатой, да отряхнул памятник.

Он все ждал. Я раскрыл пакет, и положил приобретённое на рынке на чистый снег. Малыш не набросился на еду, не пытался проглотить все сразу. Он сохранял полное достоинство, как и полагается солидному псу. Не мудрено, голодный сезон ещё не настал. Да и времена стали другими. Не сомневаюсь, предстоящую зиму он переживёт, как и его собратя — коллектив здесь сплоченный, что говорить, стоя, каждый знает свой маневр, чужакам не пристать, будут безжалостно изгнаны. Перекусив, он благодарно вильнул хвостом, и гордо потрусил по своим делам.

Памятник отсвечивал — откуда берется свет в поздний час, не знаю, золотые буквы проступали сквозь пелену снега. Я ещё раз смахнул снежинки. Но — бесполезно, если снегопад будет продолжаться и дальше. В бутылке оставалось ещё

чуть-чуть, я винтом отправил её содержимое внутрь. Обжигало, однако, может себе советский человек позволить, особенно в пятницу, не нарушая заведенного порядка. А сегодня я мог быть удовлетворён собой.

Обрамлённый цементом квадрат – чист, как новенький. Не то, что другие, не понимаю, как люди могут относиться так к своим родственникам. Я же могу только расчистить несколько холмиков рядом. А то приходят раза два в год. Не понимаю. Но мои правила – это мои правила, и от них я не буду отступать. Впрочем, кому до этого дело! Главное, главное. Что-то смешалось у меня в голове. Наверное, не надо было натошак, много было работы, и вечером перенервничал.

Ветер потихоньку стих. Я собрал свои вещи, спрятал лопатку по скамейку, хотя вряд ли кто на неё посягнет, и отправился домой. Тут у меня возникло сомнение – а так ли был я прав в своем усердии? Или прежде я не решался подвергнуть свои же действия сомнению?

Брось, это тебе кажется, что отступление есть предательство самого себя, ты просто боишься нарушить регламент, и даже признаться в этом.

Добравшись домой, я вновь изменил своей привычке, и не стал готовить ужин – просто разделся, плюхнулся в кровать и заснул. В моем одиноком двухкомнатном жилище, диван стоял в проходной комнате, напротив телевизора. А в маленькой, гордо именовавшейся спальней, кровать, застилать

которую ежедневно было не обязательно. Утром я накрывал её китайским покрывалом с птичками. Бельё менял раз в неделю, и это представлялось определенным процессом, по правилам. Нет, это штамп, просто привык, и многое делал на автомате. И с этой мыслью, разбавленной алкоголем, я счастливо заснул.

Здесь требуется комментарий – настолько ли счастливо? Однако прошёл года, полтора, два – и все возвратилось на круги своя. Только с какой точки зрения это воспринимать. И я, похоже, уже и не воспринимал, проснулся от необыкновенной тишины.

На часах было половина шестого. Что-то рановато. Тишина, только отблескивал не растаявший снег. Окна в домах напротив не светились. Кому охота вставать в несусветную рань? Разве что кто-то не успел лечь. Так вернее.

Я вышел на лоджию, накинув на себя куртку от шерстяного спортивного костюма. Лоджия много чем отличается от балкона, и застеклена ещё предыдущими хозяевами, я только подновил. Сел на табуретку, закурил привычно. Слишком рано, даже...

Несколько месяцев моя жизнь не представляла ничего интересного ни для таблоидов, ни для компетентных органов, ни для родственников. Разве что приезжавшая на каникулы дочка наносила дежурные визиты, но, увидев отца, ухоженного, не заброшенного, – и, главное, никаких следов другой женщины, успокаивалась. Наверно, у неё тоже были свои

правила, и я не считал возможным вмешиваться.

Я по-прежнему придерживался заведённого ритуала, мои друзья к весне поотъелись, шерсть лоснилась, благодаря правительству работы прибавлялось, родственники все чаще навещали места захоронения, не забывая о четвероногих обитателях кладбища. Однако никто не отказывался от гостинцев.

– Послушай, ты откуда взялся?

Уже прошел месяц с того момента, как на кладбище появился новый холмик. Оградка ещё не была поставлена, могила не осела. Мелкий, облезлый щенок подошел ко мне, и робко повилял коротким хвостом. Он ещё много не знал. А что у меня есть? – Ничего, ах да, парочка бутербродов. Не съел на работе. Я открыл сумку – точного предка той, с которой хожу сейчас, положил бутерброды на опавшие листочки, и был немало удивлен тем, как быстро они были поглощены щенком. Наверное, он переоценил свои силы, ибо их хватило только на то, чтобы отползти под кустик, и заснуть.

Я же продолжил свою работу. Мне было необходимо убрать листья и комки глины, укрепить скамейку – но так, чтобы не повредили при установке памятника, договориться с местными гегемонами о столике. Мне сказали сведущие люди, что если установить самому, то никто не поручится

за его сохранность. Но цену они не задирали, подозреваю, что привычно оценивали на глазок, с кого можно, сколько взять, и брали соответственно.

Может, именно потому, что и в тот, давний день, я не был подготовлен, как и в тот, с которого начал – ни лопатки, ни грабель, только какой-то скребок.

Походил вокруг, заметил, что кое-кто оставлял инструменты, а не забирал с собой. Нашлись и лопатка, и грабельки. Я нашел неподалеку незанятое место, и перекидал туда остатки глины. Выровнял землю, утоптал. Потом долго соскребал с ботинок прилипшие комья, почистил взятый взаимы инструмент и положил на место. Даже мне требуется отдых. Я присел на скамейку поблизости, достал из сумки бутылку пива, откупорил об оградку, сделал первый глоток и углубился в свои мысли. Щенок, наверное, слегка выпался, выполз из кустика, и снова подошел ко мне. Но, увы, у меня больше ничего не было. Я погладил собачонку, и чуть не забыл – каюсь, зачем пришел, отвлекся. Ба, уже половина девятого! Вот что значит приближение белых ночей.

Ладно, завтра надо запастись чем-то более существенным. И зайти купить лопатку. А куда ж я её уберу? Да вот, под кустик.

Малыш увязался за мной, но, по-видимому, боялся далеко отходить от своего обиталища. Едва я перешел ведомую только ему границу, как он развернулся и помчался стремглав в обратном направлении.

Я стал приходить на кладбище почти ежедневно. Теперь, кроме обычной работы по уборке – могу похвастать, что вскоре у меня был наведен почти идеальный порядок – я кормил щенка, уже откликавшегося на кличку Малыш. Приходил и другие особи, иногда и им обламывалось.

Возле моего, так сказать, места, поставили скамейку, не абы какую, но сидеть было можно, даже со спинкой, и столик. Я покрасил столик белой краской, а скамейку покрыл морилкой. Сначала работал, а потом садился и расслаблялся бутылочкой пива.

Против много, почти всего, я был абсолютно бессилен, и принужден следовать правилам, неизвестно кем установленным. И это раздражало. В дни церковных праздников, а мне приходилось проходить мимо церкви, я видел нищих, богомольных старушек, неопрятных попов – точнее, священнослужителей. И все они. Я не реагировал на просьбы подать копеечку, только покупал цветочки на посадку. Благодаря уходу они доживали до осени, иногда же их прореживали – подозреваю, те же личности, что потом продавали при входе. К сему факту я относился философски – годы, что говорить, непростые, и каждый выкручивался, как мог.

Через какое-то время я познакомился с обитателями, это довольно-таки, сложно, нет, родственниками усопших поблизости. Мы изредка вели светские беседы, но никогда

не касались памяти почивших родственников.

К зиме Малыш заматерел и превратился из маленького щенка в приличного сеголетка, но, увы, неспособного добыть себе пропитание. Сердобольные посетители их, конечно, подкармливали, особенно в праздники, годовщины. А если случалось новое захоронение – тут уж слеталась вся свора.

В первый год я не поехал в отпуск – ставили памятник, нужно было присутствовать, снова убирать территорию, потом наступила осень, и листья стали облетать. Погода ухудшилась, но меня это не останавливало – я по-прежнему ежедневно, или почти – приходил на кладбище, уже подготовленный, с неизменной бутылкой пива.

Что думал я, о чем, как переживал – это к делу не относится. Я не погрузился в другую реальность, но и в существующую не допускал никого. Не сетовал и не вел бесед с потусторонним миром – будучи прагматиком, я не надеялся ни получить никакого знака, ни пообщаться даже в будущем, пусть и отдаленным. Мне уже не нужны были советы, я не впадал в отчаяние. Но нечто необъяснимое притягивало меня.

Прошло года полтора, или чуть больше, и как-то раз, вернувшись с работы, я не застал жены дома. То есть, застать-то застал, но, почувствовал – она присутствует лишь физиче-

ски, как материальное тело. А душа? Странно, меня этот факт даже не расстроил. Мы даже не ссорились – не было предмета, никаких укоров и взаимных упрёков. Небольших сбережений хватило, чтобы разменять квартиру на две, а дочка отправилась к бабушке в другой город.

Я стал независим и мог заниматься своим делом. Даже на пару остановок ближе. Супруга моя бывшая как-то устроила свою жизнь, и хорошо. Малыш вымахал в огромного пса, однако по-прежнему приходил в условленное место. Понятно, никто с ним, конечно, не улавливался, это я так, образно, он просто делал круг по территории в надежде пожить. Он не требовал пищи, а стоял и терпеливо ждал. Бутерброд он проглатывал мгновенно, нужно было что-то посушественнее. Теперь ему стало под силу разгрызать крупные мошлы, и мне пришлось наладить контакт на рынке. Мы ужинали вместе и молча – я потягивал пиво, а он грыз кость. Полная гармония.

Прошло ещё несколько лет. Я уже стал своим. Со мною здоровались рабочие, посетители. Деревья становились все выше, некоторые, с кем я общался и беседовал – уже переселились сюда, под сень. И мне оставалось только сказать – ну что ж вы так, милейший. Но никто не мог ответить. Приходили новые родственники, молодые, наспех что-то делали. А я захаживал и к старым знакомым, и стал как бы смотрителем.

В какой-то момент территория пришла в упадок, мне при-

ходилось пробираться сквозь лужи и колдобины. А потом – я даже и не заметил – появились новые, опрятные и непьющие работники, стали вырубать переросшие и больные деревья, проредили кусты. Узкие дорожки вымостили рустикой, на широкие проезды начали укладывать новый асфальт, памятники стали ещё массивней и внушительней. Цивилизация. Я же старался не выделяться. Костюм висел у меня в шкафу на работе, сюда я приходил в джинсах и толстых ботинках. Все равно от неизбежного присутствия грязи не сбежать. Особенно непросто приходилось осенью – листья непрерывно падали. Сегодня уберёшь, назавтра – новый слой. Я сгребал их не только у себя, но и у некоторых знакомых и, если можно так выразиться, соседей, складывал в полиэтиленовые мешки и относил в контейнер, уминая, чтобы поместилось побольше. А потом можно было прости посидеть, отрешившись от окружающего мира, и думать...

Собственно, никаких мыслей у меня особенно не было. Работа – так она и так занимала практически все время, что о ней думать. Ни ездить куда-то, ни ходить в гости мне не хотелось. Бытие меня абсолютно устраивало. Хотя не обходилось и не без неприятных моментов. Иногда встречались безутешные, заплаканные. Молодые, старые, ровесники. Наблюдая за ними, я вначале испытывал чувство сострадания, потом – небольшое ожесточение. Не знаю, почему так происходило. Наверное, если бы я был проктологом, то нашёл бы рациональное объяснение, но, увы, моя профессия

была необычайно далека от всякой медицины.

Вольно или невольно я рассматривал надписи на памятниках – преимущественно, новых – старые я почти все знал наизусть. Сетовал и качал головой, если даты были слишком близки по времени. Однако сторонился траурных процессий, и следующего за ним, извините за тавтологию, процесса. Видеть убитые горем лица – это уже слишком, а когда все закончится – а у нас это всегда одинаково – компании расслабляются и все такое.

Вот отмечу – почему-то бомжи не жаловали этот уголок, и народ не забредал распить бутылочку. Кроме меня, естественно. Я ведь не изменял ритуалу.

И в один прекрасный день – неделю я, действительно, приболел, пришлось взять больничный, но, к удивлению, несмотря на старания врачей, поправился, и поспешил на свое законное место. Вооружился, по случаю счастливо-го избавление от хвори, бутылкой пива и маленькой – я мог позволить себе и это, ведь ни для кого не секрет, выписывают на понедельник в пятницу.

Не забыл и про своего нового друга – зимой Малыш куда-то исчез. Я расспрашивал знакомых рабочих, но никто не мог сказать ничего вразумительного. Легка ли судьба бездомной собаки? Но на смену ему появилось признавшее меня создание, которое нужно было подкармливать и поддерживать. А за неделю, наверное, все запаршивело и заросло, надо прополоть, подмести.

Я уже настроился на рабочий лад, но обратил внимание на новый появившийся памятник – дорожка там раздвигалась, так это как раз на углу. Он не привлекал ни особыми размерами и формой, простой гранитный камень без фотографии, только надпись – фамилия и имя, и годы жизни – всего-то тридцать. Я покачал головой – что ж так рано, небось, с родственником какая беда. И вот что – все было чистенько, в прошлый раз – нет, я шел другим путем, мимо церкви. Но все равно – очень быстро все сделали, и столик, и скамейка. Я вздохнул и продолжил свой путь – ещё метров пятьдесят, и мне сворачивать.

Наступало лето и периодически припекало. Полчаса работы над сорняками, они сложены в кучку на газетку, я присел, открыл первую бутылочку. Прибежал Дружок – я так окрестил нового собачонка, он уже начал привыкать к заведенному порядку. И так же, как и его предшественник, не набрасывался на еду. Подожди, – я завернул сорняки, нехотя встал, отнес отходы в контейнер. Сел, достал влажную тряпочку и протёр руки. Можно было сходить за водой, но было как-то лениво.

Собак ждал. Но пары бутербродов ему не хватило. Варить и носить в котелке? Нет, слишком баловать нельзя.

Вернулся домой в странном состоянии – водка, пиво, жар. Но меня, к счастью, никто не контролирует. Выспался, и утром был почти как огурчик, хворь отпустила. Спешить абсолютно некуда. Вчера я убрал всё, и поэтому, или по ка-

кой другой причине, не пошел никуда. Сел в кресло и смотрел телевизор – надо бы купить новый, да недосуг, что-то постирал и погладил.

Зарядил дождь – сейчас он не предвестником похолодания. И что? Да ничего, это не может внести разнообразия в мою жизнь. Завтра – на работу, а потом – туда, где я бываю почти ежедневно.

В понедельник, естественно, пришлось задержаться на работе – стопка не просмотренных дел разрослась до невозможности – ведь в мое отсутствие никто к ним не прикоснулся, а план никто не отменял. Почему-то некоторые могут прохлаждаться чуть ли не каждый день, а мне же приходилось разгребать дела. Я немного раздражался, потому что спешил. В обед не успел заскочить на рынок, теперь ещё задержусь. А если он проголодался? Я опять вышел из трамвая около церкви, прошел мимо собирающих последнюю – сегодня – милостыню. Одна из нищенок привычно дернулась ко мне, протягивая за подаванием отнюдь не натруженную руку. Я прошел мимо, не замечая. У них своя работа, но ко мне никакого отношения не имеет. А сколько ты сегодня собрала? – Вздохнув, отвечает, – Маловато, тыщи две. Мобуть, чуть поболее. – Да, не густо, так и я тоже... Хм, каковы же доходы, так сказать, в базарный день? Это была не моя жизнь, однако неприятно. Подобный разговор я услышал не так давно.

Я просидел полчаса, пока не прибежал Дружок. Интересно, как собаки ориентируются во времени? И целый день ли-

бо спят, либо рыщут по территории в поисках пищи. Истинные собачьи дела мне были неведомы.

Несмотря на поздний час, было светло, но пустынно. Может, в каком-то уголке и был мой коллега, но маловероятно. В десять я, наконец, допил пиво, и потопал на трамвайную остановку. Просящих подаяния уже не было, как и трамвая. Но, повторю, время меня не лимитировало. День прошел, и ладно. У меня появилась новая задумка. Я убирал не только возле своей могилки, и рядом тоже, приятно находиться в чистом и прибранном месте. И дома у меня тоже был порядок, кто бы сомневался.

Я решил договориться с рабочими, чтобы мне привезли пару кубометров гальки. Останется её рассыпать равномерно и тщательно утрамбовать. Новых захоронений, по моему представлению, не должно появиться рядом, и я буду чувствовать себя комфортно. Но только привезут днём, а как же быть? Ведь растащат, если сбросят на дороге. Как быть? Пришлось поломать голову. Днём я был катастрофически занят, никак не вырваться. Но всё решилось само собой, только плати. И в субботу утром я с нетерпением, едва позавтракав, помчался на кладбище. А дождя не было, в самом деле, уже месяца полтора. Трава, едва успев вырасти, пожухла, требовала полива. Но это – потом. Да, вот, кучка аккуратно сложена, прикрыта брезентом. И целехонька. И я приступил к работе. А дождь, о котором я позволил себе напомнить, над моей территорией так и не пролился. Я славно потрудился

и мог с законной гордостью оглядеть плоды рук своих. Дорожки между могилками засыпаны гравием, притоптаны.

Жаль, не было катка, не то могло получиться совсем по евро стандарту. Но – жарко, не до пива. Я сходил в ларек напротив, отступив от правил, купил полторалитровую бутылку кваса с весьма странным названием. Залпом влил в себя пол-литра, пузырьки вспенились, наполнили желудок, но жажду не утолил. Наоборот, захотелось еще. Небось, добавляют нечто вроде усилителя жажды.

Но моя сегодняшняя миссия ещё не была закончена, предстояло заняться поливом. У меня было припасено два пятилитровых баллона. Колонка находится метрах в ста, если идти в обход. Можно было пробраться меж могил, но я, повторюсь, не спешил. Солнечный день притягивал, было многолюдно, почти как на Невском, пришлось отстоять очередь из двух человек. Они молча ждали, у каждого своя забота.

Особое беспокойство вызывала могилка, расположенная метрах в пятидесяти. Её хозяйка – извините, более подходящего синонима не подобрал, тщательно ухаживала за ней. Вот беда – опять слова нужного нет, подметала, поливала, собирала опавшие листья. Женщина была чрезвычайно пожилая, даже старая, наверное, лет девяносто, судя по году рождения её почившего мужа. Мы иногда беседовали так сказать, за жизнь. Но о нём она сказала только одно – хороший был человек. И того достаточно. Иногда мне казалось, что она буквально живет здесь. Однако расспрашивать старуш-

ку о житье-бытье я считал некорректным. Предлагаемая же мною помощь вежливо, но неизменно и твёрдо отклонялась. Старая закалка – ничего не просить, не получать помощь и надеяться только на себя. Во многом я был с ней согласен, но иногда все же подкрашивал и поправлял скамейку и столик, приносил воду для полива и как бы невзначай оставлял в укромном месте.

Вот и сейчас я, увидев пожухшие цветы, решил полить. Может, она приболела, или, что вполне вероятно, последовала в мир иной вслед за супругом, доподлинно мне было неизвестно – никаких контактов, адресов, телефонов – все оставалось только здесь. Иначе и быть не могло. Я полил цветы, высаженный по бокам мох, многолетний, он неплохо приживался, и был зелёным практически весь сезон.

Я допил квас, посидел в некоторой прострации несколько минут. Дальше – что? Вроде миссия выполнена. Но ещё нужно сходить в супермаркет, закупить продуктов.

Если кто-то думает, что в длинные весенние или летние вечера я испытывал тоску или синдром одиночества, тот глубоко ошибается. Находились у меня занятия, и не сидел я на лавочке у подъезда, и не рубился в домино со всеми вытекающими последствиями и не задумывался о бренности мира и вселенских проблемах. Окна мои выходили во двор, шум за окнами не мешал. В жару я уходил на пруд, окунался. Выезжать из города я не мог, да и не хотел.

А она оказалась натуральной блондинкой, даже платиновой. Это можно определить лишь при определённом контакте. Подозреваю, что среди их сонма большинство крашенных, но какое мне до этого дело? Я отметил между делом, как и необычайную упругость женщины. Спешил не я. Признаться, даже слегка подзабыл, что и как. Я что, забегаю вперед, или теряю нить повествования? Признаки приближающегося неизбежного склероза. Неужто он бывает в сорок с небольшим? Марьяна Петровна, та, что с работы, прознав, что я живу один, пыталась было подбить под меня колья, но безуспешно. И тут возникла странная ситуация, ведь я не мог объяснить, что это меня не интересует, как? У меня свои заботы, а на работе – строгое выполнение регламента, и полная самоотдача, никаких отвлечений.

Мои дела и мысли не оставляли времени на женщин, я и так был слишком занят. Неизбежные корпоративные вечеринки я переносил с трудом, но отказываться было нельзя – я знал. Что к подобным уклоняющимся личностям относятся более чем подозрительно, а мне это надо? О чем это я?

Я собрался и ещё раз сходил за водой, чтобы завтра не заморачиваться этим. В воскресенье я не любил приходить рано – во-первых, много народа, суета, во-вторых, именно в воскресенье я позволял себе выспаться за всю неделю. В-третьих... Да разве я обязан отчитываться перед кем-то? Я и так слишком много рассказал, остальное невольный чита-

тель, если таковой отыщется, может домыслить и без меня. Если душа моя будет существовать и за последней, так сказать, чертой, в чём я все больше сомневаюсь, мне не хотелось, чтобы кто-то копался в моем сознании, исследовал мои мысли, впечатления, сны. Говорят, они записываются вроде голограммы, и в каких-то лучах можно их воспроизвести. Не знаю, но побережусь не помешает.

Следующая суббота по церковному календарю приходилась на праздник – я услышал, проходя мимо церкви, и народу приходит ещё больше, чем в обычный выходной день. Люди будут придирчиво осматривать чужие могилы, сетовать, стараться сделать как можно лучше, посидеть, помянуть и выпить. А потом не у всех хватит ни желания, ни сил прибрать за собой, будут летать полиэтиленовые пакеты, обрывки бумаги, кусочки не съеденной пищи. То ли раздолье животным! Остатков надолго хватит.

Я же буду долго сидеть, охраняя свой объект, тихо, размышляя о вечном. Шучу. Мысли у меня уже почти закончились, и главным было – поддерживать ритуал, да. Вот в среду я провел генеральную уборку. Ни одного сорняка, цветочки распрямились. Только моя старенькая знакомая так и не появилась. Пойти, что ли, поставить свечку? Только неясно – за здоровье или за упокой. Была ли она верующей? Нет, почему я мыслю о ней в прошедшем времени? Так или иначе, я снова отправился за водой. Дружок, насытившись, бежал рядом. Внезапно он свернул в сторону, и я машиналь-

но за ним. И правильно – на пути выросла яма. Да, действительно, на углу асфальт немного проваливался, растрескался, и даже такой осторожный человек, как я, спотыкался. Ну, хотя бы обнесли флажками или верёвкой. А то мало ли чего может быть. Ненароком грохнешься и сломаешь ногу.

Я огляделся – метрах в пятидесяти стоял каток, а на боковой аллее – налево, если я выходил, не доезжая до главных ворот, мне же направо, правда, я в последнее время выходил на следующей остановке. Так вот, часть старого асфальта была снята, сбоку – вырубленные кусты, и куча щебёнки. Ну, дела движутся. Конечно, рабочие уже ушли, бросив орудие труда – кому придёт в голову ночью угнать каток!

Я обошел яму, и взглянул на недавно появившийся памятник. Буквы всё также светились золотом, но цветочки приуныли и пожухли.

Странно, никто не приходил, не навещал, полили бы, трудов немного. А ведь парень молодой, наверняка родственники ещё в силе, уж могли бы. Мне стало его жалко, и я выполнил несложную миссию, благо колонка рядом. Цветочки сразу ожили, потянулись вверх. Думаю, к празднику кто-то наверняка придёт. Потом проделал аналогичную процедуру и на участке старушки, теща себя надеждой, что просто старая женщина болеет, поболееет и оклемается.

В следующий раз надо обязательно взять её телефон, обязательно. Непонятное чувство посетило меня, но отнюдь не сострадание. Просто все должно быть правильно, как за-

ведено... И мне спокойнее.

В субботу я устроился на своём месте, полив и окончательно прибравшись. День обещался быть ещё более жарким, чем давеча, постепенно подтягивался народ, стало шумно и суетно. На лавочке было удобно, деревья, доставлявшие немало хлопот по осени – листья, понимаешь, падают, в жару надёжно защищали от палящего солнца. Хорошо, что мое убежище было не на проходе – примерно третий – четвертый ряд от дороги. Кладбище было старое, неровное, захоронения проводились хаотически, примерно так, как развивался город. Посему я был избавлен от излишнего общения. Конечно, приходили соседи, кто по одному, кто целой семьёй. Мы молча раскланивались, у всех были свои дела, многие, исполнив положенный ритуал, ближе к часу расходились. И наступало пиршество истинных хозяев – я не имею в виду покойников.

Однако каждый день, хотите вы или нет, не обходится без приятного. Я, признаться, задремал, и пропустил приход старушки. Поскольку в дальнейшем обстоятельства развивались нетривиально, буду звать её Марией Ивановной, дабы настоящее имя впоследствии не упоминалось всуе, и не позволило провести идентификацию. Здравсьте, Мария Ивановна, что-то Вас давно не было. – Да болела, – она не добавила, в моем-то возрасте немудрено. Но это было вполне оче-

видно. — А как сейчас? — Пока могу двигаться, ещё покопчу небо. А Вам спасибо, прибрались, позаботились. — Да, честно, волновался. Я таки попросил её телефон и обещал позванивать. Хотя, наверное, она меня переживёт, такое предчувствие. Мария Ивановна пошла к своей могилке, что-то поправить, посидеть, и просто отдохнуть с дороги. Я поглядел ей вслед. Она передвигалась с трудом, однако не пользовалась палкой. Крепкий народ, кто сумел пережить многочисленные потрясения, перевороты и катаклизмы, держится, старается сделать все сам, пока есть силы. Такие вот дела. Раздался колокольный звон — полдень. А я всё сидел, думал. Через час она подошла снова — поеду, пока доберусь до дома. Но сначала мы минут десять посидели, помянули родственников. Молча. А жила она не так уж и далеко по нашим городским меркам, прямой транспорт. — Давайте, я Вас провожу. — Да не стоит, сама как-нибудь. — Ничего, мне нужно ещё в магазин, — я действительно проголодался. Вернусь потом. Это я про себя. Мы опять пошли на ближнюю остановку, мимо разрытой ямы — её таки оградил, положили сверху доски, мимо брошенной могилки с памятником, — там и сегодня никого не было, мимо колонки — очередь убавилась, только припоздавшие.

Неожиданно моя спутница, под которую мне приходилось подбирать шаг, разговорилась. Вот, упала, и еле домой дошла. Вызвала врача — пришел, что-то прописал. Но ведь я знаю. Опускаю медицинские подробности. — Месяц из дому

не выходила. — А как же? Позвонить кому, или как? — А зачем? Холодильник забит, крупы, сгущёнка. Сваришь кашку и сыта. — А хлеб? — вырвалось у меня. — Какой хлеб, милок? — Я его уже лет, — она замялась, — не ем. С тех пор, как его стало вдоволь. Она замолчала и не стала углубляться в воспоминания. Странно, я почти ничего не знал об этой худенькой крошечной старушке. — А если что? — И так зажились, ничего, справляюсь. Да, конечно. Оставлялось только подивиться мужеству и воле. Но все же? Все бывает, если надо, то я. — Нет, что Вы, и так заботитесь. Впрочем, так или иначе, я оказался обладателем адреса и телефона.

Действительно, маршрутка подходила почти к дому, на обратном пути и дороги переходить не надо. Я посадил Марию Ивановну, сунул двадцатку водителю, помахал вслед и отправился на свой пост. Вот, так живёт человек, никому не мешает, и ничего не требует. Что, жизнь есть всему основание?

По случаю праздничка я был более вооружён, но перепутал календарь. Или день недели? Не важно, иногда на меня и наяву находило нечто, отрывающее от реальности, пронзающее мою пока нетленную сущность. То есть, намеревался сбежать от июльской жары, отсидеться в тенечке, и строго выполнять правила. На сей раз в мою объемную сумку, кроме складных принадлежностей для уборки, поместилось достаточно много.

Предвидя, что день может затянуться, я заранее забросил

в стиральную машину недельный запас рубашек, маек, носков, и, простите, трусов. Постиранное бельё развесил на балконе. На работе я должен быть в идеальной форме, а что вне её – каждый проводит время сообразно, сообразно своим пристрастиям.

С собой – две бутылки водки «Абсолют», холодный, из морозильника, квас – полтора литра, лимон, два шоколадных батончика. Бутерброды с сыром, колбасой, отварным языком и салом. И ещё маринованные огурчики, с пупырышками. Можно подумать, что я собрался на уик-энд. В сущности, так и было. Если добавить набор пластиковой посуды на шесть персон – стаканчики, тарелочки, вилки и салфетки, диспозиция представляется вполне нормальной.

Я не рассчитывал на компанию, собираясь провести предстоящий день в одиночестве, а потом вернуться домой, покидать гири, принять душ и войти в норму.

Мои слишком много килограммов требовали ежедневной подкачки, если я об этом ещё не обмолвился.

Итак, я сегодня решил употребить сорокоградусной, пусть она не казалась мне особо вкусной, скорее, наоборот. Но мною управляла не то чтобы невидимая сила, а провидение. Американский термин, но иногда подходит. А виски на православном кладбище, пусть я и неверующий, – нонсенс, вы согласны?

У магазина «24 часа», что напротив входа, выкатили лоток с мороженым. Меня опять что-то подтолкнуло, я взял ва-

фельный стаканчик крем-брюле, нашего родного хладокомбината, и проглотил его в два укуса. Прошел знакомой дорожкой до угла. Одинокий памятник стоял неприкаянным. Что-то я сделал в прошлый раз. Но почему никого нет? Не могло быть так, чтобы молодого мужчину забыли так быстро. Впрочем, мне было не до разгадывания кроссвордов. Стало жаль неизвестного парня, я добрался до своего места, расположился, отвинтил крышку и нацедил половинку пластикового стаканчика. Два глотка за упокой. Занюхал тыльной стороной ладони, разложил бутерброды, прикрыл салфетками и газетой, чтобы не таяли – и в тени было жарко. А пошло хорошо. Посидев ещё чуток, глотнул квасу, осмотрелся, взял два баллона и отправился к колонке. Вряд ли кто покусится на мою снесь.

Приступил к знакомой работе, хотя, по большому счёту, в ближайшей окрестности царил почти идеальный порядок. Сухие сорняки легко поддавались, земля крошилась под руками. Вот, пожалуй. Я отвинтил крышку и заменил её другой, с дырочками. Так, во-первых, удобней поливать, и, во-вторых, подсохшая растительность лучше впитывает влагу и равномерней. Лейкой я не пользовался – те две, неосторожно оставленные мною под скамейкой, бесследно исчезли. Цветочки медленно оживали, и тянулись к солнцу. Я присел на скамейку и закурил. Все, на сегодня моя миссия по-

чти закончена. Собрать со своего участка оставшееся, сесть на маршрутку, приехать домой и действовать по намеченной программе. Но, в принципе, можно и здесь, на свежем воздухе и лоне, так сказать, природы. Второй вариант предпочтительней. В любом случае, я буду отдыхать. Сытые собаки – тоже, и лишь позже пойдут на вечерний круг. А мне надо помыть руки, переодеться – возишься с землей, и понимаешь, что остаться совсем чистым нереально.

Я подумал о старой женщине, сегодня её не было, но могилка была в порядке. Ей вовсе необязательно приходить, приезжать по выходным, когда сможет, тогда и выбирается, но какая воля. А мне что делать? Ехать домой расхотелось – лучше я приму ещё и посижу здесь. В квартире душно и жарко, а здесь, под сенью, можно отдохнуть. Солнце пусть и переместилось, однако на меня падали только отраженные или пробившиеся сквозь густую листву лучи. Но сначала, захватив с собой бутылку, прошёлся по аллейке, сворачивающей к другому, почти центральному, входу. Почти – потому что главный был на Литераторские мостки, где покоились знаменитости... Я туда ни разу не заходил, и не думаю, что когда-нибудь проявлю подобный интерес.

На обратном пути остановился напротив одинокого памятника. Существует несправедливость, да. Полил цветочки, покачал головой и на минуту присел – пора на своё место.

Я уже был готов приподняться, но.... Она подошла внезапно, и бросилась на памятник. Потом – а что вы здесь делаете? Я спокойно ответил, что, мол, проходил мимо, цветочки красивые, жаль, если завянут. Полил и намеревался уйти тотчас, чтобы не смущать и не быть свидетелем.

– Всё будет хорошо, – привычно сказал я, ясно представляя, что это не более чем штамп, но что иного я мог сказать. Всё? Хорошо? Нет, Вы не понимаете. Ничего не будет. Ничего-го, – она четко произнесла по слогам, будто не понимая, что просто так люди – и я в том числе, – сюда не заходят. Женщина – а на вид ей было не больше тридцати, в короткой цветной юбке и прозрачной блузке – напомним, что термометр убежал за тридцать, какой уж тут траур, бессильно опустилась на скамейку рядом со мной. Она была явно измождена, и выглядела, как бы сказать. Но я не мог не отметить её привлекательности даже сейчас – длинные светлые, почти платиновые волосы до середины спины, неестественная худоба при весьма приличном росте. Ну что поделаешь. Пройдёт какое-то время, и она будет заходить сюда несколько раз в год, когда принято, заведёт себе бой-френда. Жизнь неизбежно продолжится. Я почувствовал сдавленные рыдания, переходящие в почти истерику. Она прислонилась ко мне, как к единственной точке опоры.

– Пойдёмте отсюда, в тень.

Она послушно последовала за мной, под сенью окружающих мою, так сказать, обитель, клёнов и лип, было прохлад-

ней.

– Вот, выпейте, – я налил стаканчик и наполнил его квасом, конечно же, бутылка была в пакете и стояла в тени, – и поднес к губам женщины. Руки у неё дрожали, она с трудом осилила стаканчик, но ни дрожь, ни истерика не унимались. Вот те на! Попал. Надо мне это? Попробовать более радикальный способ? Набуравил в стаканчики уже из другой бутылки. Она глотнула, словно это была простая вода. Машинально проглотила бутерброд. Пришлось подсунуть ей огурчик.

Мне показалось, что и до того она попыталась себя взбодрить, вопрос только в дозе. Я отключил собственные сенсоры, лишь автоматически поддакивал, а был где-то далеко, в только мне доступном мире. Вы понимаете? Иногда людям надо просто выговориться, и не важно, слушают его или нет, главное – делать вид и быть внимательным. Это мне хорошо знакомо.

К вечеру внезапно обрушившаяся на меня женщина пришла в полную негодность. В том смысле, что её транспортабельность сводилась к нулю. Я сидел, и ждал, думая, что она оклемается. Но, возможно, непрекращающийся стресс, вкупе с жарой и алкоголем, сделали свое дело. Что ж, придётся отвезти её домой и сдать на руки родным и, простите, близким. Не ночевать же здесь. С трудом я узнал адрес. К счастью, было почти по пути – то есть, необходимая маршрутка шла параллельной улицей, а дальше – буквально пара ша-

гов – квартал, другой, и я дома.

Доставлю до места, вернусь домой, приму душ, потом приму оставшееся. План всеобщего оздоровления организма придётся отложить, и завалюсь спать. О завтрашнем дне предпочитал не думать.

Я приподнял девушку – она не сопротивлялась, и мы пошли к остановке. На счастье маршрутка подошла скоро, и даже почти пустая. Её даже не укачало, но она смотрела не на меня, а вокруг, непонимающими глазами.

Возле подъезда девушка долго пыталась открыть сумочку, содержимое высыпалось на землю, я подбирал и запихивал обратно. Ага, вот и ключ. Все, этаж шестой, довожу на лифте, звоню, закидываю в квартиру, а дальше пусть делает, что хочет. Или её родственники.

– А-а-а-а! – я проснулся от истошного крика. Она встала на постели, с ужасом и омерзением глядя на меня, и даже не удосужившись прикрыть грудь, которую, к которой мне было дозволено, даже приказано. Ты что, мерзкий, старый». Она до сих пор пребывала в прострации.

«Милый, ты зачем меня покинул? Неужели нашел ту, что любит тебя больше чем я? И её объятия нежнее и слаще? Я знала, что ты вернёшься. Вот, ты снова дома». – «Вызвать скорую?» – это лучшее, что я смог придумать. – «Сейчас, кофе, ты любишь «Арабику», натуральную?» Она, как за-

веденная, носилась по кухне. Мне стало жутко. – «Нет, видишь, как хорошо? А с коньяком. Правда? Ты помнишь?» – Кофеварка выплескивала каплю за каплей крепчайшего кофе, фужеры наполнились ароматным напитком, и я подумал, что вот, сейчас выпьет, придёт в себя, и я буду свободен. – «Ты почему не целуешь меня? Забыл?». И все это время она не отпускала меня. Пара оплеух, а потом – голову под холодную воду, могли бы решить все проблемы, – я об этом подумал гораздо позже, а тогда был сам вовлечён во внезапно возникший вихрь. – «Ты помнишь? Ты где пропадал?» – На глазах навернулись слёзы. Она лихорадочно освободилась от одежды – моментально. – Ты поцелуешь меня, ты помнишь, как». Я уже не мог контролировать себя. Там? «Нет, я не выдержу, скорее» – она торопила. Инстинкт – нельзя разучиться кататься на велосипеде, неудержимо сработал. У меня получилось, несмотря на длительное воздержание, и я не дрожал от нетерпения. Осознавала ли она? Думается, тогда женщина существовала в параллельном пространстве, где мне выпала особая роль. И в очередной раз я смог понять это гораздо позже.

Спустя некоторое время – слишком поздно – мне стало ясно, что неслучайная встреча со мной вывела её из состояния ступора, и не более. А далее – словно меня и не существовало вовсе.

Всё было бы ничего, если бы... Если бы данное событие не нарушило привычного хода времени, и не напомнила мне

одной ситуации, случившейся ещё в восьмидесятые. Тогда внезапный и неудержимый вихрь захватил меня. Об этом я не буду вспоминать. Только мне казалось, что все давно в прошлом, а не сейчас. Всё повторилось – пусть в моем представлении, и что из этого? Но мои попытки добиться встречи – я дошел до невиданного самоунижения, были безуспешны. Даже там, когда я случайно пересекся с ней возле памятника, она прошла буквально сквозь меня.

Я лишь почувствовал слабое дуновение, и не стало покоя. Я пытался соблюсти регламент, однако... Даже занимаясь обычными делами, я мог думать только о ней. Приходил Дружок, и я, когда он усаживался, наевшись, напротив меня, беседовал с ним. Но только об одном. Вряд ли он что понимал, но слушал внимательно. Ему, наверное, была важна интонация и тембр. Он убегал, а ещё сидел некоторое время. Потом делал привычный обход и возвращался в свою квартиру, ставшую непривычно одинокой. Весь мир, тщательно выстроенный мною, безнадежно рушился. Нет, уже рухнул.

Спустя некоторое время я встретил её. Она поливала цветы вокруг памятника. В глазах уже не было беспросветного ужаса и растерянности. Я что-то сказал, ещё надеясь получить ответ.

Но зачем она пришла в такое позднее время? Я никогда не узнаю ответа.

Я привычно забросал тело мусором и ветками, начавшими опадать листьями. Неподалеку стоял каток, старый асфальт был снят и с главной дорожки, так что.

В эту ночь я спал крепко, а на следующий день снова пришёл на кладбище. Яма исчезла, центральная дорожка была полностью заасфальтирована. А девочка? Была ли девочка? Я также регулярно совершал свои обходы, проходя над ней, по ровному асфальту. В принципе, меня можно было бы вычислить, если бы кто-то знал и заявил, но я мог запросто исчезнуть. По фамилии на памятнике? А кто сказал, что он мой? Неужели вы думаете, что настолько прост и наивен, что. Просто был ритуал.

Началось же всё с того, что мне захотелось просто побыть в одиночестве, поразмышлять, дабы никто не нарушал моего уединения. А тут эти. Безжалостно вырубili дающие тень деревья, разрыли землю. Мне пришлось сменить место дислокации, но так оставить это я не мог. Никто не имеет права мне мешать. Правда, они постарались все оформить аккуратно, регулярно убирались. Я был вынужден привыкнуть к неизбежному, мне даже стало нравиться, но не настолько, чтобы делиться с кем-то.

И зачем мне чужие родственники, кода в городе непрерывно вскрывают асфальтовое покрытие? А это происходит не только на пересечении мифических Улицы и Проспекта. Кстати, место моего жительства находится совсем в другом районе, так что возможность идентификации отсутствует. Я

так часто повторяю это, будто и сам верю.

Но только почему ко мне вернулся сон? Теперь он заканчивался по-другому. Я шёл, вернее, меня вели по длинному каменному коридору, почему-то с уклоном вниз и почти незаметными желобками по бокам. Мы заворачивали за угол, и тут мой череп разрывала пуля, я уже не слышал звук выстрела, а мозг жидко разлетался в разные стороны. Размазывается по стенкам и плавно стекает вниз. Непреложный признак приближение инсульта. Как вы считаете?

МНЕ НЕ ПОМЕШАЮТ!

Инсульта я счастливо избежал. И кошмарных сновидений тоже. Правда, на некоторое время пришлось отказаться от вредных привычек, стать спокойнее. Некоторое время я продолжал посещение излюбленного места, чтобы избежать излишних, так сказать, вопросов. Только не понимаю, от кого. Я принял определённые меры предосторожности, с месяц появлялся там с той же регулярностью, постепенно, именно постепенно увеличивая промежутки между ними. И также бесстрастно проходил по асфальту, особенно, если кто-то шел впереди меня или навстречу. Пару раз я видел смешных субъектов, которые с умным видом обследовали территорию, и не скажу, что их манипуляции не заставляли учащенно биться мое сердце. Со стороны – я мог смеяться над их попытками.

Однажды мне показалось, что они решат вскрыть асфальт, но, видимо, какие-то обстоятельства или лень воспрепятствовали их намерениям. Ну-ну. А потом мне стало скучно. Листья опали, на работе начались традиционные авралы и заморочки, выходных практически не было. Однако же. Как-то мне показалось, что в городе я видел похожую женщину. Я следовал за ней, но она бесследно исчезла в жерле метро. Утром заболела голова, и мне пришлось взять отгул, прихватить субботу и воскресенье и привести себя в поряд-

док. Подъехал к её дому, притаился – при моем-то росте, и ждал. Да, я не ошибся, это она. Выходит, в моем сознании провалы, заполняемые вымышленными, и нереальными событиями?

Особо напрягаться мне не хотелось, но куда денешься – средства к существованию добывать надо. И о здоровье заботиться, не перенапрягаться. Ритуальное пиво как-то не шло, я следил за здоровьем, и лишь к концу осени. Именно в середине ноября я вновь увидел каток. Почему-то они решили положить новый слой. Я даже подошёл, поинтересовался. Типа летом клали, так зачем? Мне популярно разъяснили, что одного слоя мало, надо выждать время, выровнять после того, как уляжется и утрамбуется, и сейчас, пока не заморозило совсем, самое время, ещё бы мне не знать! Надеюсь, что мой интерес не вызвал особых подозрений, наверняка не я один спрашивал, но, повторяюсь, стало совсем скучно. А тот памятник был ухожен.

Я в последний раз сделал уборку, снес в бак мешки с листьями, посидел напоследок. Все, хватит. Чувствую, прихватывает мотор, немного. Надо себя беречь.

Собаки, будто чувствуя расставание, проводили меня до выхода, где меня и подобрала маршрутка. Я доехал, вы-

шел и попал – внезапно поднялся ветер – на город надвигалось очередное наводнение, с неба повалил сухой снег, понесла поземка. Ожидающие транспорта подняли воротники, пытаясь скрыться от пронзающих порывов, стало совсем темно, фонари едва светили, на город спускалась длинная, почти полярная ночь.

Мне никто не ждал, только работа завтра. Я приготовил чай, горячий, с лимоном, но не крепкий, только бы согреться. Спать я старался ложиться раньше, не позже половины одиннадцатого, соблюдая режим. Сам для себя решил – до нового года никаких нарушений. Но от окна дуло. Конечно, проложил щели поролоном, однако этого оказалось недостаточно. Пришлось подниматься и заклеивать его лентой. А потом плотно задернуть шторы, чтобы ветер не приносил холод в комнату. В день посещения я, как правило, не занимался делами, посему принял душ, не слишком горячий, чтобы не мешал сну. И все, новости по телевизору, уже лежа в кровати. Газету читаю утром, больше для порядка, хотя вряд ли узнаю нечто новое. Вы надеетесь, что я расскажу что-нибудь о своем жилище? Извольте. Дом – стандартная пятиэтажка, напротив – возрастом чуть старше, – сталинский дом, во дворе. Стандартно, столик доминошный, облезлая скамейка. Рядом – веревочные качели, привязанные к березкам. Осенью, после листопада, полянка пустеет.

Я иногда смотрю из окна, можно увидеть что-то примечательное, интересное. Жизнь, проходящая своим чере-

дом. Летом меня раздражали оставленные бумажки, бутылки, объедки, странным образом исчезающие к утру. Пожалуй, достаточно. Самореклама мне ни к чему, без наводящих подробностей и, сдается, что мое местопребывания лучше не анонсировать. К тому же я прописан в совершенно другом месте. Как это получилось? Да не скажу, не надейтесь.

Вот, забыл выключить чайник, он засвистел, придётся вставать. Нырять ногами в тапки, шаркаю на кухню. Коль встал, надо выпить ещё стаканчик зелёного, с медом. От него сон крепче. У честного человека он и должен быть правильным. Надо держать себя в форме.

Я попытался в очередной раз изменить образ жизни. Поскольку обычно мне спешить было некуда, я старался возвращаться с работы, проделывая определенную часть дороги пешком, совершая, так сказать, моцион, пусть дорога занимала лишних минут двадцать – сорок. Выходил не на своей станции метро, а за две, три, в зависимости от погоды. Это позволяло хоть немного отрешиться от работы, где меня здорово доставали – видите ли, конец года, надо закрыть наряды, выполнить план. Не могут организовать, все в последний момент. Начальство давит, как же так, честь фирмы, заказы. А разве ж я могу выпустить некачественные документы? А кто не хочет брать людей? Все же выкручиваются, на меня сваливаются премии, сувенирчики и невообразимое количество спиртного. Естественно, я употреблю его, скорей всего, даже в компании, если такая вдруг образуется,

но только после окончания установленного мною же срока реабилитации. Только утром – завтрак не плотный, но калорийный, я беру газету из лотка, ныряю в метро и пристраиваюсь в уголке. Как-то привык к метро, не люблю пробки.

Прихожу минут за десять до начала, теперь пью чай – кофе тоже входит в перечень излишков, и приступаю к делам. Впрочем, в чем они заключаются, я уже рассказывал прежде. Мне нравилось, что я делаю, только к концу года стопки не просмотренных папок все увеличиваются, простите, но быстрее невозможно, как ни проси. Иногда в мою деятельность вмешивается начальство, что-то приходится делать вне очереди, что-то передавать менее опытным сотрудникам. Или кто-то сумеет найти ко мне правильный подход. Вы понимаете, я о чем.

Примерно к началу февраля я, – по моему субъективному и правильному мнению, к врачам не обращался, окончательно прихожу в норму, – за этот период не произошло чего-то особо примечательного, на чем следовало бы остановить внимание. Или потому что приближалась весна? Или потому, что не мог забыть женщины, невольно вернувшей меня к жизни ценою своей.

Прошрое, – вы понимаете, о чем я, кажется ужасно далеким и нереальным, но его не хватает, даже кошмарных снов. Никак не удастся их вызвать, я пытаюсь, но безрезультатно. И делаю неутешительный вывод – абзац, то есть, нужно начинать что-то сначала, я осознанно повторяюсь, ибо это и есть

главная мысль. Впадать в отчаяние не в моих правилах, идея должна прийти сама по себе. Опять опустим месяц, да. Март перевалил за половину, жидкий снег сошёл сам по себе, я шёл уже по почти сухому проспекту, и засветло. Потеплело, на газонах стали проявляться результаты жизнедеятельности и выгула животных, скоро их смоют дожди и скроет выросшая травка. Но и остального мусора, разнесенного ветрами по территории, предостаточно. Сам инстинктивно поднимешь, выбросишь. Стало немного чище. Вот только бесконечное количество бутылок и банок. Банки, как я слышал, принимают. Но даже на них желающих не так много. Как-то раз я для интереса, и, совершенно случайно, наполнил ими пустой полиэтиленовый пакет. А потом посчитал. Ничего себе! Двадцать три штуки! Причем не специально. Но чего только не пьют. И кто? В принципе, лишь бы не разбрасывали. Задумавшись, я машинально прошёл мимо помойки — она у нас во дворе огорожена, и нужно делать небольшой крюк. Что я и делал, вынося утром по дороге на работу неизбежные остатки.

Поднявшись на свой этаж, с удивлением обнаружил сей факт. Ладно. Выброшу завтра. Я поставил пакет у входа, переделся, поужинал. Но пакет мешал, я задел его, банки высыпались мне под ноги. О, черт. Собирать. Я снова пересчитал их и построил, словно кегли. Если бы я был хоть чуточку сентиментальным, то, наверное, попытался бы воспроизвести историю каждой из них. А что, идея. Пожалуй, в другой

раз так и сделаю.

Меня отвлек телефонный звонок, редкий. Но отвлек. Не скажу, чтобы разговор доставил мне удовольствие. Мысль сбилась. Я вернулся в коридор и снова наткнулся на банки, они покатались, наступил на одну, она жалобно пискнула и попыталась меня поранить. Хорошо, что подошва у моих домашних тапок довольно-таки толстая. Удобно, знаете ли, почти пляжные, пластиковые. Ноги в них не потеют, и гигиенично. Достаточно помыть, и как новенькие, никаких там вирусов или микробов. Разделавшись с остальными банками, я получил небольшую кучку, и снова пересчитал. Действительно, двадцать три.

Так, если умножить двадцать три на шестьдесят копеек, вернее, шестьдесят на двадцать три – я слышал, как меж собой переговаривались, то получится, получится. Не важно, где-то рублей двенадцать-тринадцать. Типа одна поездка на метро. Хм, да. Но все это только по дороге, минут за двадцать. А если этим заниматься целенаправленно, то можно. Я попытался прикинуть, мысль меня заинтересовала. Но было уже достаточно поздно, и я отправился спать.

И утром не выбросил пакет. Было ли мое действие осознанным, кто знает. Однако опять по дороге домой я, на всякий случай прихватил пакет пустой, и пошёл той же дорогой. На сей раз мой улов оказался несколько скромнее – всего восемнадцать штук. Мимо некоторых – случайно, остальные же появились за прошедшие сутки. Странно, их никто

не подобрал. Неужели такой бизнес не выгоден? Вчерашняя добыча плюс сегодняшняя. Просто смешно. Однако когда я таки добрался до нашей помойки – утром мусор не выносил, заметил ещё с десятков, они лежали почти на виду.

Было достаточно темно, поэтому я, ничтоже сумняшеся, накидал их в мешок и – домой. Таким образом, у меня собралось банок пятьдесят. Это уже что-то. Дойдем до сотни, и потом решим, что будем делать.

Сотня образовалась к выходным. Причем я опять не выбирал специально дороги, лишь слегка изменил маршрут. Я отсортировал их по кучкам, стараясь не пораниться. Мало ли какая зараза пристала. Так, сюда – из-под пива, сюда – джинтоники, сюда – всякие пепси, энергетики. Получилось почти поровну. Вот, придумал. Теперь буду собирать, и сортировать каждую сотню. Взял тетрадку, сделал первую запись. Нет, нарисовал табличку. Разграфил, дата, сюда – пивные, сюда – пепси. Что будет, если выборка окажется достаточно большой? ещё одна строка – так называемые энергетические напитки. Что это за новация? Нет, я, конечно, был осведомлен, но процент – десять – навевал на определенные мысли. И цена – дороже и тоников, и пива, и кофе. Я раз попробовал – разрешенный легальный наркотик. Или же допинг. Так или иначе, они тоже пошли в дело.

Настал день, когда я, по моему расчету, достиг уровня тысячи, и решил. Пойти и сдать. Неподалеку от моего места работы находился приёмный пункт, но не будешь же тащить

мешок, сдавать в камеру хранения, а потом в обед, или после работы стоять в очереди вместе с маргинальными личностями. Не хватало, чтобы меня заметил кто-то из знакомых, и доложил по инстанциям, или просто растрепал. Понятно, это меня не устраивало ни с какой позиции. Таким образом, возникла новая задача – найти. А потом – транспортировать и реализовать. Ни один из телефонных справочников подобную информацию не распространял. Вы помните, пока что я никоим образом не контактировал со своими, так сказать, конкурентами, лишь мимоходом подбирая незаметное ими.

Утром же я видел, как некие субъекты крутились возле помоек, вооружённые крюками, ожидая подходящих с мусорными мешочками граждан. Их реакция и навык меня потрясли – мгновенное извлечение интересующей тары, буквально, через несколько секунд, после того как жилец покинет территорию.

Столь же моментально добыча отправлялась в притороченные к тележкам на колесиках рюкзаки, пройдя неизбежную стадию расплющивания. Для интереса, а также с целью изучения диспозиции, я обошёл все близлежащие помойки. Мусоровоз приезжал по определенному графику, мощные клещи захватывали баки, переворачивали их, и содержимое устремлялось в бездонное лоно. Каждые день. И всё в одно время. Но до того бачки были исследованы, а уж те, которые специально предназначены для сбора металла, стекла и пла-

стики – и подавно. Я, чтобы не привлекать внимания, при-саживался на скамейку неподалёку – благо, старался не вызывать подозрений. Разве что ко мне обращались – если замечали – с просьбой дать закурить, но это редко – я старался оказываться вне зоны обзора.

Но в столь ранний час был один. Ближе к половине восьмого – я находился в полной готовности, работа ждала, появлялись жильцы.

Они торопливо пробегали мимо помойки, делая небольшой крюк, с размаху закидывая пакеты в контейнер, часто промахивались, оттого рядом образовывалась груда. Раздолье для крыс. Это неправильно. Я же всегда, как бы ни спешил, подхожу и аккуратно кладу пакет. Отдельно – отходы, отдельно – газеты и бумагу, пластик и бутылки. Нет, чтобы все так! Но интересующее содержимое можно определить и по звуку – бутылки звенели, пластик тоже издавал характерный звук. И тут, откуда ни возмись, появлялись сталкеры. Совершив отработанный ритуал, они направлялись к следующей помойке. Проведя исследование, а на это ушёл почти месяц, нужно было делать скрытно, дабы не бросаться в глаза, я заметил, что каждая помойка или группа, находится в ведении определенного контингента. Из этого следовал вывод – территория поделена. И доступ на чужую – как бы это сказать, карается. Конечно же, встречались нарушители конвенции – сделают наскок, будто так, случайно, и сваливают.

Пока мои физические кондиции позволяли вступать в конфронтацию почти с кем угодно, я мог особо не таиться, но извлечение выгоды отнюдь не было моей целью. Сохраняя инкогнито, я вступил в нелегализованное сообщество, и некоторое время старался действовать по его правилам. Но, если доход практически невесомый, то, что объединяет их?

Повторяю, пока что я не играл по правилам сообщества, сознательно привлекая внимание. Лишь изредка утром удавалось что-то схватить. Первое время меня пыталась мучить мысль – мол, обираю кого-то, а потом – зачем? Если не успеть до приезда мусоровоза, то вообще все пойдет на свалку, а так хоть какая-то польза. То есть, на то, чтобы ухватить момент и попасть на свеженькое, а не рыться в отходах, остается совсем немного времени. Не более получаса. А потом поток народа, спешащего на работу, иссякает. Следовательно, и добыча будет доставаться с большим трудом. Тем, кто не успел, остается рыться в урнах, а это, скажу вам, мало эстетическое занятие. Причем днем и на виду у прохожих. В середине дня можно отслеживать школьников и студентов. А первые, я удивился, дают большой доход – на папины – маминьы денежки покупаются кола, слабоалкогольные и энергетические напитки, банки же выбрасываются по дороге. И в большинстве я мог особо не таиться, девчонки, молодые люди предпочитают пиво из горла, да я и сам понимаю, что так лучше ощущаешь вкус. Но в банках пиво

сохраняется лучше. Это факт.

А вот места пребывания – возле магазинов, так это жестко. Надо найти место постоянной тусовки, – как, например, у меня под окном. Меж березками или на детской площадке. Люди посидят, попьют, бросят все на месте и расходятся, а тут и другие приходят на смену.

Раньше я просто собирал мусор и выкидывал. Теперь же. Да нет, ничего не изменилось – не слишком выглядело, если бы меня, солидного человека, застали за таким занятием. Хоть мне на соседей, мягко говоря, все равно не хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, что мой статус изменился, или находится под угрозой. Оставалось, если я решу-таки продолжать действия в этом направлении, перемещаться на более удаленные от дома территории. А там свои правила. И катать тележку за собой не будешь, у меня её вообще нет.

Прогуливаясь – моцион мне показан, да, я нашёл несколько подобных мест. Пару сотен банок собрал за два дня, особо не напрягаясь. Нагнешься – и в пакет. Потом помнешь – не слишком выпячиваясь – и в сумку на длинном регулируемом ремешке. Вроде, как бы гуляешь. Интересно, а кто-либо отслеживает мои перемещения?

За несколько кварталов от дома я заметил детскую площадку, с качелями, домиками, скамеечками. Вернее, она была всегда, и я мог бы воссоздать по памяти, если бы мне пришла в голову мысль составить план местности. А теперь я завернул на нее.

Она почти точь-в-точь повторяла детский городок в моем квартале, не под окнами, правда, а рядом со школой, но там всегда было многолюдно, да и вероятность нарваться на соседей. А здесь – уже не совсем рядом. Проходя мимо, я не мог не обратить внимания на собирающиеся там компании. После них должно остаться нечто, интересующее меня. И вечером решил заглянуть, с надеждой поживиться и подтвердить свои предположения. Площадка как бы закрыта обзору со стороны, и никто не мог помешать мне, в случае удачи, собрать, смять на месте. И положить в сумку. Действительно, пять баночек из-под пива словно ожидали, пока их не оприходуют. Нет, даже шесть. Я смял одну, вторую.

– Мужик, а что ты здесь делаешь? – Я, видимо, радуясь удаче, потерял бдительность. А зря. Нет, не тому, что нашёл несколько банок, а нечто забрезжило.

– Как что? Мусор собираю.

– Нет, гад, ты не наш.

Против меня стоял крепыш, опирающийся на палку, не совсем понятной наружности – бомж не бомж, однако... От него не пахло, в такой курточке, даже по сезону, с сумкой на колесиках и только фуражка – морская, с крабом, выдавала... А колеса – специальные, с утолщением, чтобы легко было катить. И сумка явно не пустая. На слух, даже побрякивала.

– Вы что?

– А ну, вытряхивай! – Он с силой пнул мою сумку, та ото-

звалась жестяным звуком, ибо была далеко не пуста. Я попытался ретироваться, вступать в конфронтацию не входило в мои планы, но чуть не получил палкой по голове, едва успев заслониться сумкой. Все равно удар был болезненный, меня ощутимо саданули по уху, я невольно отступил, и, споткнувшись о качели, упал. Следующий удар, довольно-таки сильный, пришёлся по телу, я выронил сумку. Супротив лома, даже палки с набалдашником, и неожиданного нападения мне было слабо. К подобному развитию событий я был не готов. Короче, мне прилично досталось, напавший на меня конкурент бросил меня зализывать раны, и победителем покинул поле сражения, унося сумку с её содержимым в качестве трофея.

– В следующий раз. Давно я не испытывал подобного унижения! К тому же куртка оказалась испачканной и порванной в нескольких местах. Хорошо еще, что было уже темно, я закоулками добрался до дома. Сердце отчаянно билось, опять поднялось давление. Пришлось лечь. Куртку, хорошо, что старая, однозначно придётся выбросить. А физиономию – чинить. Завтра на работу – ну, скажу, что упал.

Некоторое время меня просто трясло, пришлось выпить успокоительного. Придя в себя и поразмышляв, я пришёл к однозначному выводу, – и в этой сфере деятельности царит ужасающая конкуренция. Я, конечно, предполагал, и даже наблюдал со стороны, но вот, впервые столкнулся с реальностью. Что ж, в следующий раз необходимо быть более осмот-

рительным. Я не собирался оставить своего занятия. Засыпал тяжело, не помог даже чай с медом. А ночью вернулся сон. Но место было не то. Я помнил только вскрывающийся асфальт, машину с гравием, засыпающую яму, каток. И человек в желто-чёрной униформе за рулем, возвышающийся над дорогой. Остальное – лица, движения, строения, оставались как бы в тумане. Они что-то почувствовали?

Утром встал злой и разбитый и поплёлся на работу. Там некоторые изменения в моей внешности не могли не привлечь внимания – что, мол, да как. Посему обедать в столовую не пошёл, дабы не нарываться на ненужные вопросы ещё и там. Вследствие всего этого настроение к концу дня испортилось окончательно. И куртку, которую пришлось выбросить, тоже жалко. А ночью сон повторился, но опять неявно, обозначены несколько знакомых но, казалось, надежно забытых моментов. Это был знак. Однако я пока что противился искушению.

Несколько раз я попытался снова обойти окрестности, дабы убедиться в своих предположениях, все же минуя злосчастный двор. В выходной наладил тележку, и отправился в разведанный мною приемный пункт. Вступить в контакт. Моя казна обогатилась – трудов много, а всего-то три с небольшим сотни, и ещё пришлось отстоять очередь вместе со сборщиками. Да, именно это название подходит. Я наслушался жалоб вновь обретённых коллег на то, что принимают плохо, пепси вообще не берут, у них там что-то с по-

крытием. Врут, сказала бабка передо мной, – мы тут оставим, а они сами сдадут. Типа – «жить стало совсем невозможно, кругом одно жульё». Новая среда общения. Что ж, подрядился – терпи. Я только слушал разговоры, не вмешиваясь и не комментируя. Главная задача – только присмотреться. Оказалось, что во многом я прав – помойки не являются оптимальным местом для сбора, вот в парках. Однако не во всем можно верить – сомневаюсь, что у кого-то появится желание поделиться секретами добычи с конкурентами. Через час, наконец, я вывали на прилавок – точь-в-точь такой, как и при советской власти, когда принимали и банки, и стеклотару. Приемщик пересчитал расплющенные банки, скинул их в ящик со словами – лучше сортировать надо, посчитал на калькуляторе и протянул мне деньги. Я машинально сунул их в карман, единственным желанием было поскорее покинуть пункт приёма. Это было неправильно, я понял позже. Если сдаешь тару, как бы вынужденно, считай даже мелочь. – Что, обманывает? Гоша всегда так, жулик, что с него возьмешь, – кто-то согласно кивнул, – а вот Равшан рассчитывает точно, ещё и здороваётся. – Куда ж ему податься, пожалуются, так в двадцать четыре часа депортируют, если не отмажется. – А у них все схвачено. – Но не у бедных. У меня на сей счет было особое мнение, сомневаюсь, чтобы у всех стоящих в очереди с документами был полный порядок. И понятно, не престижная работа. Но на неё идут, да. А среди сдающих тару я был чужаком, и у меня не получится

внедриться в их ряды.

Надеюсь, некоторое время меня не раскусят. К счастью. Однако меня потихоньку затягивало. И, к тому же, я отнес далеко не все, мне предстояло сделать ещё несколько ходок. И тут я внезапно испытал беспокойство – а вдруг встречу с тем самым типом? Тогда мне неизбежно придётся дезавуировать его притязания, это отравило жизнь. Пока мне везло, возможно, потому что я не придерживался строгого графика. Признаюсь, я боялся. Да, именно боялся, как самый настоящий трус. Источник был известен, избавиться от страха я не мог. Приближалось лето, и я уже больше месяца находился в подвешенном состоянии.

И сны не прекращались. Как бы намекая. А мне и не надо было. Это я уже проходил в свое время. Бороться с наваждением и страхом бесполезно. Как говорил известный персонаж – только хирургически. Единственная пауза – история с женщиной, я до сих пор не мог понять, было ли все это наяву, либо в моем подсознании.

А сны – они приносили головную боль. Разбитое состояние. И что мне оставалось делать? Опыт-то был.

Май. Я так и не продвинулся, несмотря на то, что не прекращал своих занятий – я уже собирал в месяц почти на тысячу, сдавал в приемные пункты – нашёл, по наводке стоявших со мной в очереди – слушал, но не спрашивал, ещё па-

рочку в относительно достижимых местах. Но своего обидчика в капитанской фуражке так ни разу и не встретил. Я работал, весьма успешно, и мне было не так просто выкроить свободное время. Возможно, некто совершал свой обход с некоторой закономерностью, это привычка, подстраиваясь под возможные варианты. Или, с наступлением хорошей погоды, передислоцировался на более доходные территории. Например, пригородные парки. Но там тоже конкуренция тоже будь здоров.

Да, как это я раньше не подумал! Ведь сам не раз проходил мимо. Но то было зимой и ранней весной. Сомневаюсь, что у кого-то без особой надобности появится желание посещать Бермудский треугольник Средней рогатки. Разве что в церковь. Но так как-то не принято, а укрыться от непогоды негде. Следовательно... Да, именно так. В выходной день я завернул туда. Нет, сначала – по пути с работы, гулять надо. Однако для предосторожности ничего не взял с собой, а так, просто осматривался. Типа прогуливаюсь. Скамейки концентрировались ближе к шоссе, но почти все пустовали. Урны забиты до предела – видать, времена субботников прошли – хотя нет, в апреле что-то убирали, и ветер разносил бумажки по медленно покрывающемуся свежей травкой пространству. Я степенно шёл, именно так, лишь мельком заглядывая в урны. Есть чему поживиться. Но цель моего обхода была совершенно иной. Я подошёл к прудам – народу там было больше, кто-то уже сидел с удочкой. Сезон начинается?

А что касается моего вопроса – почти всегда найдется, чем поживиться. Но территория наверняка кем-то застолблена. Если сказать по правде, для определенной категории личностей подобная деятельность почти единственный способ дохода. Мне объяснили в очереди, да и сам знал.

Я не заметил, как основная цель моя отошла на второй план, и мне просто понравилось прогуливаться здесь. Аура, создаваемая близостью природы почти в городе. Купола церквей, пруды, ещё не застроенная зелёная территория.

И мне не нравилась новая молодежная манера – сидеть на спинках, а ноги, наоборот, ставить на сиденья. Это же черт знает что! Приличному человеку не присесть. Не будешь же носить с собой раскладной стульчик! И мусор повсюду разбрасывают. Знают же, что никто убирать не будет, а завтра-послезавтра сами придут снова. Но я, кажется, отвлёкся. И засмотрелся на молодую парочку, потягивающую пиво из банок. Было не так тепло, понимаю. Интересно, а эти-то уберут за собой? Обход – в выходной – занял почти час. Солнышко пригревало, и я устроился с газетой. Позвольте, я не буду распространяться о своих пристрастиях, ибо, сопоставив некоторые факты, можно сделать определенные выводы. А я надеюсь, что, если кому-то придётся это делать, не получит конкретной информации. Самонадеянность? Отнюдь. Предыдущий опыт показывает, что, при желании, можно сделать всё, только необходимо принять превентивные меры.

Почему эта мысль пришла мне в голову? Почему именно сейчас? Почему сильнее забилося сердце в предвкушении. Я даже присел на краешек свободной скамейки, и только сейчас заметил, как потемнело. Снял куртку, достал платок и вытер вспотевший лоб. Посидел минут пятнадцать, выкурил сигарету, аккуратно затушил окурок и пристроил в урну. Огляделся. Нет, никого с тележками. Не время? И снова появились видения, но наяву. Ясно представлял, как это произойдет. Нет, не то чтобы представлял конкретно, лишь обозначилась канва. Намеренно прошёл на другую – не свою – сторону парка, купил в киоске, не забыв посмотреть дату реализации, баночку пива, почти вернулся и сел на скамейку. Банка была в меру охлаждена, но не ледяная. Я выдавил дольку, пиво слегка поднялось и застыло на уровне. Хорошо. Я сделал несколько глотков, совершенно не задумываясь о том, что, мол, приличный человек и из горла. Мысль крутилась непрерывно, пока я не мог точно сориентироваться. Но, определённо, что-то намечалось. Двое пацанов лет по тридцать, вежливо поинтересовались, не занято ли рядом, и тоже достали несколько бутылок. Меня о чем-то спросили, я машинально отвечал. Даже не помню. Мне – не до того. Голова снова начала раскалываться. Я внезапно увидел свет в конце тоннеля – да, именно так, закрыл глаза, пытаюсь представить хотя бы ориентировочно место – но, увы. Наверное, я ещё не вышел на необходимый уровень подсознания.

Вылазки и охоту пришлось прекратить – банально, про-

пал интерес. Я добился цели, знал почти все, мог составить подробную карту района – по памяти, с расположением помоек, урн, приемных пунктов, мест, наиболее часто посещаемых любителями выпить – я их не осуждаю. Даже закрасить разным цветом в зависимости от интенсивности. Помнится, в мои молодые годы, один из приятелей показывал похожую самодельную карту. Сейчас она была бы раритетом, даже артефактом. Все пивные бары, ларьки, давшие стартовый капитал некоторым олигархам, и общественные туалеты – от вокзальных до расположенных в различных районах города. Даже на Невском их было, если припомнить, не менее десятка. Жаль, карта не сохранилась. В то время было принято справлять нужду в туалетах, а не на глазах публики. Теперь же народ вообще распоясался. Во дворе под берёзками – помните, я о них говорил, даже девчонки, совсем бессовестные.

Окна моей квартиры выходят на северо-восток, поэтому я, отдыхая после праведных трудов, сидя у окна, как на ладони. Неправильные девчонки оставили после себя полдюжины бутылок, не мудрено, что пиво требовало выхода, но не только я наблюдал. С некоторых пор в доме напротив – сталинском, элитном, и весьма, даже по нынешним временам, поселился новый жилец. Я не присматривался специально, просто смена диспозиции неизбежно откладывалась в сознании.

Так вот, как только потеплело, он стал проводить вечера

на балконе. Нет, скорее, в эркере. Судя по всему, он сидел за компьютером, почти допоздна. Я лишь отметил сей факт, но в тот день я почти случайно бросил взгляд на противоположную сторону. Он, как и я, оказался невольным свидетелем – или зрителем. Потом куда-то скрылся, но появился через некоторое время с телефонной трубкой в руках. Его эркер, не занавешенный, был как на ладони, хоть я и мог наблюдать только снизу вверх. Так, я понял, он ждал, когда аналогичную процедуру проделает вторая девушка. И дождался. Как и я. Мне было не интересно, я только зафиксировал сей факт. Сосед напротив был одиноким, до сих пор женщин не наблюдалось. Это я так отметил, знаете ли, подсознательно многое отмечаешь, и потом вырисовывается независимая картина. Может, когда-то она всплывет в памяти, а так будет лежать в тёмном отдалённом углу. До поры до времени. Так чего же он хочет? Визуализация представлений далека, ох как далека от материализации. Но столь откровенное бесстыдство, – вуайеризм и эксгибиционизм никоим образом не вписывались в мои представления. И, главное, не могли найти места в моем новом предназначении.

Как-то раз я пересёкся с соседом. К тому времени мне надоело собирать банки, я перешёл в стадию разведки и наблюдения. Но все же – что он выбрасывает? Да, бутылка пива, виски, пакеты из-под пиццы, яиц, пельменей. Все верно.

В принципе, имеет право.

Сосед ежедневно просиживал вечера в эркере, что-то крапал на компьютере или мастерил. Инженер? Механик? Но это было поздно вечером, перед тем я обходил близлежащие кварталы, с вполне понятной целью, но безрезультатно. Я даже приготовил инструмент, привычный, но не представлял, когда пушу его в ход.

Наступило лето, и начались, или продолжились, прокладки и ремонт кабелей и труб, район начали отчаянно перекапывать, так интенсивно, будто завтра может наступить конец света. У меня инстинктивно раздувались ноздри, будто я что-то чувал. И, полагаю, не зря. После проведения работ приезжал каток, закатывал асфальт. Нет, сначала маленький трактор – экскаватор закапывал траншею. То есть, если я успею, то останется немного прикопать, а остальное сделают за меня. Я чувствовал невероятное возбуждение, работа спорилась, что не могло не отметить начальство. Адреналин буквально бурлил в крови. Женщины? Мне было не до них. В отличие от соседа. Я, размышляя над дальнейшим планом действий, иногда поглядывал, ничего предосудительного, на окна напротив, и заметил. Некое длинноволосое создание, почти лишённое предрассудков и одежды. Хотя бы шторы завешивали. Я с достоинством отвернулся. Хм, а это ж та девчонка, которая прогуливала удивительно мерзкую собачонку. Та облаивала всех вокруг, хотя была чуть поболее крысы, или даже меньше. Можно было не заводить будиль-

НИК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.